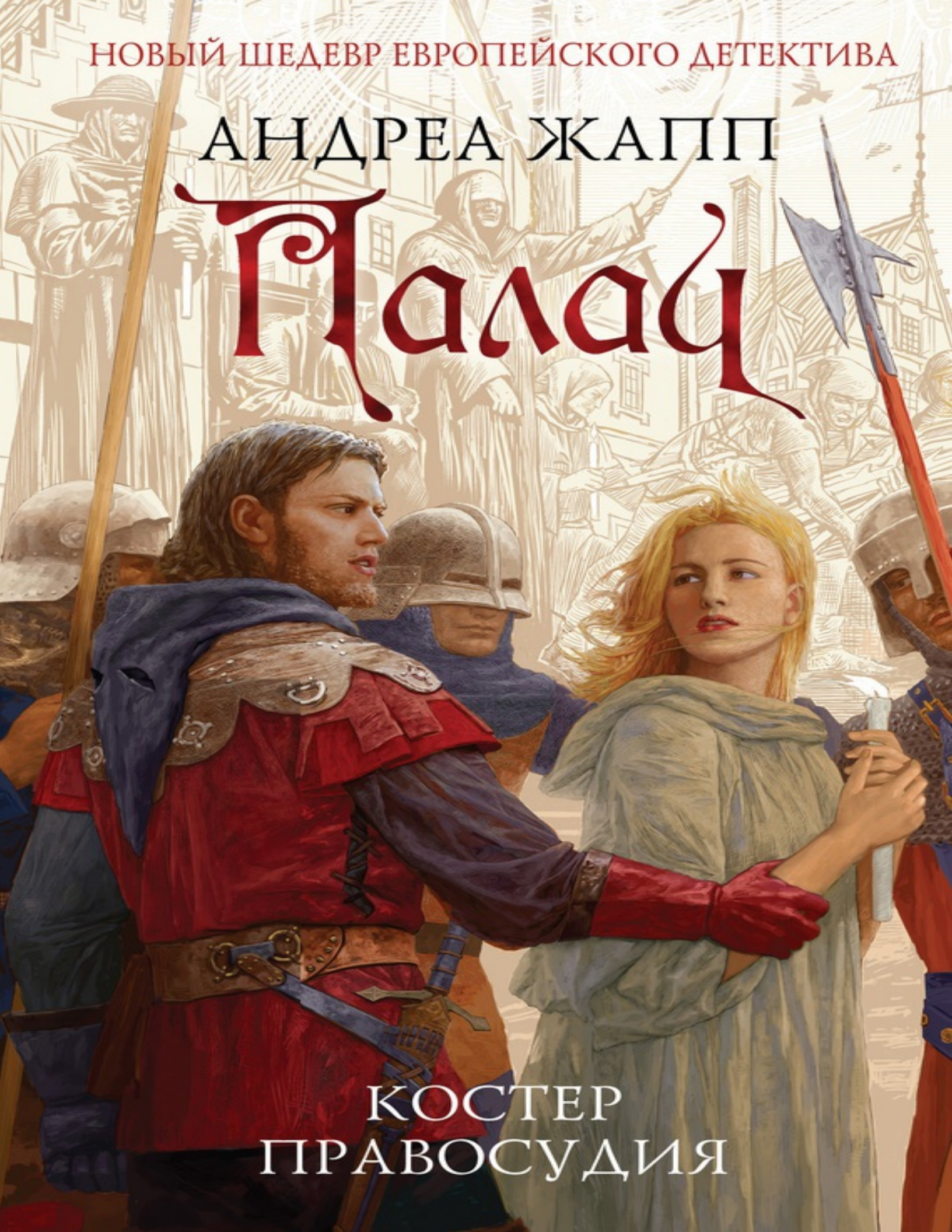

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

АНДРЕА ЖАППИ

Палац

КОСТЕР
ПРАВОСУДИЯ

Annotation

Он тот, кого называют Мастером Высокого Правосудия; тот, кто отнимает жизнь и дарует смерть. Он – палач. Будучи исполнителем чужой воли, Ардуин Венель-младший никогда не задумывался о том, виновны или невиновны те, кто восходит к нему на эшафот. Пока не осознал, что временами судьи ошибаются и восстановить справедливость под силу лишь ему...

Франция, 1305 год. В руки Венеля-младшего, неотразимого красавца, волею судеб ставшего палачом городка Мортань, попала молодая девушка, осужденная за клевету. Девушка настолько прекрасная и чистая, что палач влюбился в нее и не в силах поверить в ее виновность. Однако... закон суров, но это закон, и его необходимо исполнять. А это значит, что ее ждет мучительная смерть на костре...

Андреа Жапп

Палач. Костер правосудия

Andrea H. Japp
LE BRASIER DE JUSTICE
© Flammarion, 2011

© Линник З., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все, что находится за пределами простой смерти, мне кажется чистой жестокостью, и особенно по отношению к нам, которым следовало бы испытывать почтение, посылая души в лучший мир, что невозможно, когда они пребывают в беспокойстве и отчаянии от невыносимых мучений.

Монтень (1533–1592)

О страданиях

Вам, доблестному, навсегда милому другу с нежным сердцем

Animula blandula[\[1\]](#)

Список основных действующих лиц

В Мортань-о-Перш^[2]

Ардуин Венель-младший – иначе говоря, мэтр Правосудие Мортаня, палач

Бернадина – его служанка, вдова палача

Арно де Тизан – заместитель бальи^[3] Мортаня

Аделин д'Эстревер – старший бальи шпаги Перша

Эванжелина Какет – дурочка, работница Мюриетты Лафуа

В Ножан-ле-Ротру и окрестностях

Антуан Мешо – городской доктор

Бланш – его невестка

Матушка Крольчиха – трактирщица из «Напыщенного кролика»

Констанс де Госбер – матушка-аббатиса из Клерет

Ги де Тре – бальи Ножан-ле-Ротру

Мадлен Фроментен, Элуа Талон, Альфонс Фортен, Адель Бобет, урожденная

Сарпен – слуги или бывшие слуги Гарена и Мюриетты Лафуа

Беатрис де Вигонрен – баронесса

Маот де Вигонрен – ее невестка, баронесса

Агнес де Маленье – дочь Беатрис

Усташ де Маленье – муж Агнес

Исторические персонажи

Филипп Красивый, Климент V, Гийом де Ногарэ, Екатерина де Куртенэ, Изабелла де Валуа, Карл де Валуа, Жан Бретонский.

Мортань-о-Перш, август 1305 года

Ввиде исключения право решения относительно судебной дуэли было передано помощнику бальи Мортаня^[4].

Монсеньор Карл де Валуа не проявлял особого интереса к графствам Алансон и Перш, полученным им во владение^[5] от своего царственного брата двумя годами раньше. Эти земли были для него всего лишь источником денег, которые он снова мог тратить без всякого счета. Письмо с поручением проследить, чтобы все было исполнено «согласно чести и обычаям», было уже три месяца как получено помощником бальи Арно де Тизаном.

Разумеется, де Тизан знал, что епископ Сеезский от имени церкви осуждает этот варварский обычай^[6], широко применявшийся веком раньше. С другой стороны, он не собирался восстанавливать против себя ни монсеньора де Валуа – своего сюзерена, вспышки ярости которого были общеизвестны, – ни даже старшего бальи шпаги^[7] – Аделина д'Эстревера.

Эстревер принадлежал к тем людям, за которыми без труда можно разглядеть тень великого инквизитора, обладавшего не меньшей властью, чем Бог, король и закон вместе взятые. Король же являлся светским представителем Бога на земле и хранителем закона. Иными словами, жизнь мессира д'Эстревера сводилась к службе королю, а значит, и его брату.

В тех редких случаях, когда помощнику бальи доводилось с ними беседовать, ему всякий раз было не по себе. Светлые, почти белые глаза старшего бальи шпаги выражали нечто вроде непреклонной ледяной страсти.

Так или иначе, мессир Арно де Тизан не мог, да и не старался противодействовать судебному поединку, который состоялся в фехтовальном зале замка де Мортань на рассвете в присутствии четырех свидетелей, обладающих прекрасной репутацией, а также его самого, палача и заявительницы – Мари де Сальвен.

* * *

Оба противника – Сальвен и Фоссей – принадлежали к не самым знаменитым, но благородным семействам. Мари де Сальвен также могла гордиться своим происхождением. Один из участников судебного поединка обвинял другого в насилии, совершенном над его супругой, Мари. Другой же кричал, что все это – не более чем клевета и мошенничество.

Арно де Тизан выслушал обоих. Мадам де Сальвен – жертва насилия, восхитительное создание, которому едва ли исполнилось двадцать пять лет, – поклялась перед лицом Господа, положив руку на Евангелие, что Жак де Фоссей попросил приюта на ночь в ее доме, воспользовавшись тем, что ее супруг, Шарль де Сальвен, отбыл на охоту. Он был знаком с ее мужем, поэтому Мари без недоверия отнеслась к его просьбе. Среди ночи Жак де Фоссей неожиданно ворвался в ее комнату и совершил жестокое насилие^[8].

Фоссей – худой мужчина примерно тридцати лет, слывающий известным

фехтовальщиком, – также принес клятву. Разумеется, мадам де Сальвен предложила ему гостеприимство, но он ни за что на свете не преступил бы границы дозволенного, если б она сама во время позднего ужина^[9] не дала ему понять, что его знаки внимания ей далеко не противны. Шарль де Сальвен, напротив, соглашался с каждым словом своей жены, к которой испытывал самую нежную любовь.

Из вежливости, а также из сострадания к человеку, стоящему на пороге старости, Арно де Тизан попытался отговорить мужа, убедить его решить дело посредством судебного разбирательства, а не поединка. Шарлю де Сальвену было уже почти пятьдесят, и, в противоположность своему противнику, он не выглядел резвым записным дуэлянтом. Тем не менее Сальвен упрямылся, пребывая в полной уверенности, что Господь Бог защитит оскорбленную невинность.

Смертельный поединок длился всего несколько минут. Муж едва передвигался, с трудом парируя хитрые удары своего соперника, который, несмотря на деликатное сложение, оказался мощным противником. Первому же явно не хватало силы и сноровки, поэтому прошло не так много времени, прежде чем лезвие Жака де Фоссея вонзилось ему в горло. Целый поток жидкости карминового цвета хлынул на камзол Шарля де Сальвена. На лице немолодого мужчины отразилось глубочайшее удивление. Постояв пару мгновений, он пошатнулся и рухнул на пол.

Мари де Сальвен встала со скамейки, где сидела рядом со свидетелями; во взгляде ее читался неподдельный ужас. Женщина поднесла тонкую изящную руку к губам, чтобы удержать рвущийся из горла крик. Господь признал ее мужа виновным. Другими словами, ее заявление о поступке Жака де Фоссея признано святотатственной ложью, ее репутации нанесен непоправимый ущерб, а она сама должна быть предана смерти.

Ей было известно, какому наказанию ее подвергнут – заживо сожгут на костре правосудия.

* * *

Арно де Тизан бросил долгий взгляд на палача, мэтра Правосудие Мортаня, или, как его звали по-настоящему, Ардуина Венеля-младшего. Его репутация настоящего искусника смерти была известна далеко за пределами графства. Не было известно ни одного человека, который мог бы так же ловко перерубить чью-то шею «шпагой с листом»^[10], чем он, окрещенный Энекатриксом, что означает «приносящий смерть»^[11]. Со всего королевства его вызывали к особо важным приговоренным, которым была дарована последняя привилегия^[12] – умереть быстро. И нередко для этого приходилось ехать очень и очень далеко.

Лицо, обтянутое тонкой черной кожей, повернулось к заместителю бальи. Мэтр Правосудие Мортаня едва заметно наклонил голову.

Мортань-о-Пери, сентябрь 1305 года

На протяжении последующих недель Мари де Сальвен содержалась в камере, но к ней не проявляли чрезмерной строгости. Арно де Тизан считал, что с представительницами прекрасного пола следует быть мягким и любезным, каким бы ни было их происхождение.

Молодая женщина не изменила своих показаний, даже ради того, чтобы смерть на костре была заменена обезглавливанием, на которое она имела право согласно своему общественному положению. Но Мари де Сальвен изо всех сил продолжала настаивать: Жак де Фоссей совершил над нею насилие, воспользовавшись тем, что она спала, и требуя от нее совершить неслыханный разврат. Он с яростью таскал ее за волосы, бил по лицу, едва она пыталась позвать на помощь.

Твердость и особенно отсутствие всякой хитрости у этой женщины, которой лучше было бы солгать, чтобы избежать костра, смутили покой заместителя бальи Арно де Тизана. Тем не менее он должен был беспристрастно исполнить решение Божьего суда, даже если тот уже почти что вышел из обихода. Не испытывая при этом никаких чувств, тем более настолько неуместных.

Услышав скрежет ключа в замочной скважине, Мари де Сальвен поднялась с лежащего на полу соломенного тюфяка. Бессознательным жестом она стряхнула пыль с подола своей котты^[13]. Арно де Тизан был так любезен, что предоставил ей сменный комплект одежды, также как и ведро воды по утрам, чтобы она могла совершать омовения. Но тем не менее после многих недель в этой камере с утоптаным земляным полом все ее сорочки^[14] и юбки были одна грязнее другой.

В камеру вошел худощавый мускулистый мужчина. Он был такого высокого роста, что вынужден был согнуться, чтобы не удариться о каменный свод. Вошедший молча склонился перед нею в низком поклоне и деликатным движением положил на ее соломенный тюфяк бежевое платье, ткань которого была пропитана серой – наряд для приговоренных к сожжению^[15]. Полуоткрыв рот, Мари вздохнула, разглядывая маску из черной кожи^[16], красный камзол со шнуровкой на боку – нарочно того цвета, на котором будут незаметны брызги крови.

Палач встал перед нею на колени, опустил голову и, умоляюще сложив руки, произнес важным и серьезным тоном:

– Мадам и сестра моя во Христе. Выполняя свои обязанности, я буду должен завтра лишить вас жизни. И за это я униженно прошу у вас прощения. Надеюсь, вы не затаите против меня злобы в своей душе.

– Конечно же, нет. Знайте, месье, что я не лгала, говоря о своей невинности.

Палач медленно встал, а потом торжественно и печально произнес:

– Но Бог вас уже осудил, мадам. Я же являюсь всего лишь исполнителем его закона. И этой ночью я буду молиться, чтобы ваша душа обрела покой. Я... В конце концов, для него не составит особой разницы, предстанете ли вы перед ним сгоревшей заживо или, если я позабочусь о том, чтобы вы предварительно были задушены. Судья специально дал на это свое позволение. В обоих случаях мое вознаграждение будет одинаковым. Девять денье!^[17] К вам проявили великодушие, так как, согласно правилам Божьего суда, тот, кто терпит поражение в судебном поединке, является клятвопреступником, солгавшим перед лицом

Господа нашего, и должен быть сожжен без всякого снисхождения.

Мари де Сальвен лишь отрицательно замотала головой, не в силах произнести ни слова.

Палач некоторое время внимательно смотрел на нее, прежде чем заговорить:

– Молитесь, мадам. Молитесь, чтобы ваша смерть была быстрой. Чаще всего...

Приговоренные задыхаются от дыма, и это их избавляет от мучительных ожогов. Я желаю, чтобы смерть пришла к вам как можно скорее. Желаю от всего сердца.

Сказав это, он выскользнул наружу неуловимым движением, подобно элегантной и зловещей тени.

* * *

Стоя на коленях в часовне прекрасного здания, расположенного на расстоянии менее одного лье от Мортаня^[18], Ардуин Венель-младший, которого все знали под именем мэтр Правосудие, молился, выполняя обещание, данное Мари де Сальвен. Молитвы о том, чтобы ее душа обрела покой, смешивались с обрывками воспоминаний и бессмысленных сожалений.

Четырнадцать лет. Ему было всего четырнадцать^[19], когда он впервые поднял «меч правосудия», чтобы опустить его на шею приговоренного. Разумеется, в течение многих лет он был подмастерьем палача, своего отца, но вовсе не думал о том, что когда-нибудь должен будет занять его место, унаследовав после смерти отца эту должность. Смерть и страдания других людей стали частью его жизни, его профессией. Все вокруг относились с осуждением к ним, чьей работой было исполнять приговор, вынесенный судом. Отец и сын выполняли эту работу, имеющую самое прямое отношение к смерти. Палачи, рабочие скотобойни, душители бродячих собак, могильщики, предающие земле тех, кто при жизни был отлучен от церкви, а также хирурги^[20] и костоправы, присутствие которых терпели за то, что те могли вылечить от ревматизма... Казненные преступники никого особенно не интересовали, разве что нескольких алхимиков, большинство из которых явно было колдунами. Поэтому из их продажи извлекалась самая мизерная выгода^[21]. Некоторые из них все-таки продавали алхимикам так называемую «мазь палача» из человеческого жира, которая считалась наилучшим средством от любой боли.

Странное дело, Ардуин Венель-младший никогда прежде не искал ответа на вопрос, в чем заключается его предназначение. Их династия палачей началась с его прадеда, отъявленного негодяя, грабителя и убийцы. Будучи арестованным и приговоренным к повешению, он, как и остальные, получил предложение спасти свою жизнь, согласившись исполнять эту должность^[22]. И не упустил случая. Боже мой, он убивал за несколько мелких монет. А затем продолжил заниматься тем же, но с благословения закона и за гораздо большее вознаграждение. На сегодняшний день их династия существовала уже более столетия^[23].

Ардуин всегда верил объяснениям отца – человека порядочного и набожного – и матери, которая тоже была дочерью «исполнителя» с востока королевства, так как никакая другая женщина не согласилась бы на такой униженный и позорный брак. Создания Божии сбиваются с пути и совершают предосудительные поступки, противоречащие христианским законам. После того, как они будут преданы суду, разумеется, нужен кто-то, кто бы взял

на себя исполнение приговора, избавив добрых христиан от необходимости осквернять себя убийством и пачкать руки в крови. Палачи были карающей десницей Бога и короля. Более того, они не осуждали, не приговаривали других людей к казни или мучениям. Они становились всего-навсего инструментами правосудия^[24].

Однажды Ардуин, еще совсем юный, как-то возразил отцу:

– Но разве мы не являемся виновными, когда казним и причиняем страдания невинным, которых осудили несправедливо?

Отец успокаивающе произнес:

– Знаешь, я таких что-то маловато встречал. За всю жизнь меньше, чем пальцев на одной руке. И потом, что из этого? Это не мы послали невинную душу на костер или на эшафот, поэтому не нам за это и отвечать.

Ардуин больше никогда не задумывался об этом. До сегодняшнего дня.

* * *

Выйдя на эшафот босиком, в платье из грубой льняной ткани, в которое обряжали осужденных на смерть, с небрежно обстриженными волосами, Мари де Сальвен вдруг почувствовала, как один из стражников бесцеремонно толкнул ее в спину, и опустилась на колени перед священником, который потрясал распятием над ее головой. Тот тихо прошептал ей:

– Признайтесь же в своем преступлении и раскайтесь, дочь моя. Сейчас самое время.

Но Мари де Сальвен остановила его и твердо отчеканила:

– Я сказала правду!

Стражник поднял ее и поволок к костру настолько резко и грубо, что женщина споткнулась и едва не упала в пыль, покрывающую место казней.

Было еще раннее утро, поэтому толпа на площади была не такой густой, тем более что рынок тканей и животных в Беллеме начинал работать только днем. Его посещение всегда было желанной забавой, чем-то вроде увеселительной прогулки, которую совершали всей семьей. Тем не менее здесь было уже достаточно ротозеев, пребывавших в прекрасном расположении духа. Они игриво подталкивали друг друга локтями, обмениваясь шутками. Разумеется, сам костер интересовал их меньше всего. Всего лишь бесстыдница, которая утверждает, будто ее изнасиловали. Не убийца и даже не ведьма.

Мэтр Правосудие Мортаня уже ждал, напряженно выпрямившись. Он был одет в наряд, соответствующий его занятию, – капюшон с прорезями для глаз, облегающие панталоны из черной кожи, высокие ярко-красные сапоги. Мари непроизвольно поймала себя на мысли, что у ее смерти очень гордый вид. В половине туалета^[25] от нее юноша, почти мальчик, обеими руками крепко держал факел. Мэтр де Мортань во второй раз громко произнес:

– Мадам, сестра моя во Христе, простите мне то, что я должен сейчас сделать.

– Я прощаю вас, палач...

Толпа дружно зааплодировала. Мари де Сальвен продолжила таким же громким голосом:

– Я невинна, поэтому душа моя пребывает в мире.

Послышались неодобрительные возгласы. Ну вот, испортила все представление...

Мэтр Правосудие Мортаня в последний раз внимательно посмотрел на прелестное

лицо, на которое даже недели, проведенные в тюрьме, не наложили своего отпечатка. Светлые, чуть удлиненные сине-зеленые глаза миндалевидной формы, высокий лоб, когда-то лишенный волос, а теперь покрытый пухом цвета спелой пшеницы^[26].

– Я выполнил свое обещание и молился о вашей душе. Подойдите сюда. Осторожнее, здесь ветки и солома. Не уколите себе ногу, они острые.

Мари кивнула в ответ и взобралась на верх кучи дров до самого столба. Мэтр Правосудие начал ее привязывать, а затем остановился и обеспокоенно произнес:

– Мне нужно затянуть веревки, но все-таки дайте знать, если я нечаянно сделаю вам больно. Мне было бы очень стыдно, если б я доставил вам лишние страдания.

Она еще раз кивнула.

– Вам также разрешено воспользоваться повязкой на глаза. Вы желаете?

– Конечно же, нет! Я жду от вас только вашего... жеста великодушия! Я хочу видеть вас до самой последней секунды. Вас, этого священника и эту толпу. Вы будете лицом бесчестья, того, что я уношу с собой в могилу. До встречи в райских кущах, если Бог все-таки найдет там для вас место. И прошу вас, давайте покончим с этим.

Мэтра Правосудие Мортаня давно уже не оскорбляли такие заявления. Отец когда-то научил его, что, когда исполняешь свою работу, следует входить в некое особое состояние. Нужно ощущать абсолютное безразличие к страданиям и страху другого человека и в то же время воздерживаться от того, чтобы они приносили удовольствие. Приговоренный больше не существовал для него. Для Ардуина этот человек уже соединился со своим Создателем, даже если в этот момент он вопил, испытывая невыносимые страдания.

Палач спустился с костра, взял факел из рук Селестина, своего молодого прислужника, одетого в черное, в маске и красных сапогах, положенных ему по должности, и поджег сухую солому. Побежавшие по ней огоньки перекинулись сначала на хворост, а затем и на сложенные дрова. Мэтр де Мортань следил за тем, как разгорался огонь, чтобы быть уверенным, что за несколько секунд он превратится в режущее пламя. Его не покидало явственное ощущение, что взгляд миндалевидных зелено-голубых глаз неотрывно прикован к его лицу. Мари не стала кричать или биться, пытаясь вырваться. Сквозь зловещий танец языков пламени он видел, что ее голова склонилась на грудь, и от всей души надеялся, что женщина уже задохнулась от дыма.

Непонятно почему ее взгляд неотступно преследовал мэтра Правосудие, даже когда тот вернулся в свою комнату и лег спать.

Беллем, сентябрь 1305 года

Укрепленный город, в который когда-то было не так просто проникнуть, был окружен обширным лесом. С конца первого тысячелетия^[27] сеньоры Беллема ревностно выполняли возложенную на них миссию – сражаться со скандинавскими завоевателями, которые намеревались захватить Французское королевство. Стратегическая и политическая важность этого клочка земли только возрастала, поэтому на протяжении многих лет разные сеньоры, наследовавшие Беллем, тайком склонялись то к королю Франции, то к другому могущественному соседу – герцогу Нормандскому.

Благодаря щедротам, извлекаемым из желания разных сюзеренов заполучить этот город, а также разумному участию в различных союзах, Беллем процветал, что сразу было заметно, стоило лишь взглянуть на его прекрасные особняки. Город постепенно приобретал вытянутую форму, распространяясь за пределы крепостных стен и привлекая к себе все больше людей. Ротру III, граф Перша, в конце концов получил власть над ним.

В начале XIII века этот блистательный род угас, и Беллем снова был возвращен под власть французской короны. Но многие продолжали сожалеть о прекрасных временах, когда при сеньоре коммерция шла как следует и приносила достаток всем жителям Беллема. Пользуясь молодостью нового короля Франции Людовика IX^[28], которому едва исполнилось пятнадцать, Пьер Дре, известный под именем Моклерк, герцог Бретонский, присвоил этот город себе. Но при этом он явно недооценил воинственный характер вдовствующей королевы Франции Бланки Кастильской^[29], которая, подобно львице, блюла интересы своего сына. Побуждаемая исключительно своей храбростью и материнской любовью, она не колеблясь приказала войску стать лагерем на выходе из города и направить на него оружие с явным намерением начать осаду.

* * *

Марсель Вуазен, прозванный Убей Собаку, мэтр Правосудие Беллема, скончался прошлой весной от воспаления кишок. Его старший сын десяти лет от роду был признан слишком юным, чтобы продолжить дело покойного отца, тем более что, по утверждению его матери, вдовы палача, у него никогда не будет такой верной руки, как у отца. Толпа, которая обожает пытки и казни, не простит ни малейшего промаха. Недостаточно ловкий палач тут же станет мишенью для всевозможных насмешек и брани. Уступив длительным мольбам, уговорам и различным посулам вроде двойного жалованья и права на пробу^[30], Ардуин неохотно согласился временно занять это место. Он всегда предпочитал знать, какие обвинения выдвинуты против осужденных, с которыми он имеет дело; здесь же его единственная миссия сводилась к тому, чтобы подвергать пыткам и предавать смерти.

Когда утром он с юным Селестином, сидящим позади него на крупе лошади, прибыл в город^[31], у эшафота уже сгрудилась порядочная толпа. Мэтр Правосудие был уже облачен в черно-красные одежды смерти. Все расступились, чтобы дать им проехать. Венельмладший в миллионный раз прочитал на лицах ту же смесь, казалось бы, несочетаемых

чувств: презрительное отвращение к палачу и свирепую радость по поводу зрелища, которое сейчас должно начаться.

Ардуин спешил, и секретарь заместителя бальи, некий Бенуа Ламберт, приблизился, чтобы в двух словах пересказать ему приговор, а затем громко объявить его еще раз собравшимся ротозеям.

– Обезглавливание. Речь идет о женщине, Од де Казанель, она тайком опоила^[32] отравой своего мужа, свекровь и, без сомнения, своего пасынка.

– Черт возьми!

– Именно! После очной ставки со свидетелями обвинения и особенно после того, как в ее туалетной комнате был обнаружен серый порошок, щепотка которого за несколько часов убила кошку, она быстро созналась и принялась многословно раскаиваться, чем, разумеется, избавила себя от пыток.

Ардуин Венель-младший сперва не понял, откуда взялось это переполнившее его вдруг чувство облегчения. С некоторых пор в его голове постоянно раздавалось: «Моя душа пребывает в мире, так как я невиновна... Я предпочту смотреть на вас до своей последней секунды. Вы, священник и эта толпа. Вы станете лицом бесчестия, того, что я уношу с собой в могилу». Мари де Сальвен... Почему его мысли возвращаются к ней снова и снова? Эта женщина осуждена самим Богом. Ведь все очевидно: она виновна в ложных клятвах, в бесчестной натуре своей, которая побудила ее на клевету. Из-за ее проступка слишком легковверный супруг умер от удара шпаги Жака де Фоссея. И хватит об этом!

Од де Казанель же была виновна в многочисленных бесчеловечных убийствах.

* * *

Показались ломовые дроги, на которых везли приговоренную. Собравшаяся толпа встретила их взрывом ликования. Раздались громкие смешки, многие выражали свой восторг сквернословием. Ведь далеко не каждый день можно увидеть, как даму из благородных лишают головы.

Одетая в черное, она стояла, напряженно выпрямившись, привязанная к подпорке, установленной посреди тяжелой телеги. Руки у нее были крепко связаны спереди. Телега остановилась. Осужденная спустилась на землю, подошла к священнику, чтобы преклонить пред ним колени и еще раз попросить прощения за свои отвратительные поступки. Мужчина в рясе ласково возложил руку ей на лоб и отошел в сторону.

Ардуин приблизился в свою очередь и помог осужденной подняться по лестнице на эшафот. Как обычно, он спросил ее громким и четким голосом:

– Мадам и сестра моя во Христе! Выполняя свои обязанности, я сейчас должен лишить вас жизни и покорно прошу за это прощения. Простите ли вы меня?

Од де Казанель – высокая женщина с малосимпатичным лицом – посмотрела на него пустым взглядом и спокойно произнесла:

– О да, милейший, конечно!

Затем, понизив голос, она добавила:

– Такие глупцы... Я ни о чем не жалею, разве что о том, что меня разоблачили. До скорой встречи в аду, палач. После всего, что я перенесла здесь, вряд ли мне там будет хуже. Только, ради Господа Бога, прошу вас, исполните свою работу как можно проворнее.

Ваша репутация искусного мастера служит мне небольшим утешением.

Ардуин покачал головой и помог женщине встать на колени перед плахой, после чего принялся развязывать веревку, стягивающую ее запястья.

– Мадам, пожалуйста, вытяните руки по бокам, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче. – Вытяните шею, насколько можете, и положите голову на этот брусочек. Прошу вас не шевелиться, тогда ваша смерть будет совершенно безболезненной.

Од де Казанель безропотно выполнила все, что он сказал. Ее руки заметно дрожали. Женщина подавила стон, рвущийся у нее из горла, и застыла в ожидании, преисполненная ужаса.

Мэтр де Мортань окликнул Селестина, своего молодого помощника:

– Подай мой меч!

Взгляд Од остановился на юноше, следя, когда появится оружие, которое должно ее убить. Она не заметила быстрого движения Ардуина, который извлек сверкающий Энекатрикс, который был уже приготовлен и лежал рядом с ним. Она не увидела, как сверкающее лезвие поднялось над ней и точным ударом обрушилось на ее шею.

Голова покатилась по эшафоту, сопровождаемая безумными воплями толпы, в которых слышались радость и одобрение. Мэтр де Мортань только что прекрасно выполнил свою работу, при этом оказав мадам де Казанель небольшую поддержку, устроив все так, чтобы она не увидела, как смерть приближается к ней.

Селестин приблизился к хозяину и протянул ему кусок красной шелковой ткани, которой тот вытирал Энекатрикс от пятен крови. Несколько мягких ласкающих движений – и на лезвии появилась сверкающая надпись: «*Eos diligit et suaviter multos interficit*»^[33].

Когда Ардуин и Селестин неторопливо пересекли площадь, все головы поворачивались к ним.

Мортань-о-Пери, сентябрь 1305 года

Ардуин Венель-младший очень любил те минуты, когда он снова становился обычным, ничем не приметным незнакомцем, когда никто не знал ни его имени, ни его занятия. Разумеется, это было в тех случаях, когда он не прикреплял к одежде полоску ткани^[34], которую под угрозой штрафа должен был носить на рукаве, находясь в городе, чтобы все могли знать о его ремесле. Сейчас он забыл об этом опознавательном знаке. В сущности, Ардуин не особенно верил, что его и правда могут оштрафовать. Палачей не так много, а обидевшись, он запросто может уехать, оставив город без столь необходимого работника. Всеми презираемые, отвергаемые обществом, исполнители приговоров часто были выше закона, даже если дело касалось кровосмесительных браков. Церковь смотрела на такое сквозь пальцы, понимая, что палачи могут жениться исключительно в своей среде.

Все мастера Высокого Правосудия^[35] состояли в родстве друг с другом в большей или меньшей степени. Существовали различные благозвучные названия, которыми именовали людей их ремесла, но только когда испытывали нужду в их услугах, – например «Мастер, наказующий преступников», вошедшее в обиход несколькими десятилетиями ранее. Зато никогда не было недостатка в оскорбительных кличках: Жан-Покойник, Сломай Шею и многих, подобных им.

С рассеянной улыбкой на губах Ардуин бродил по узким крутым улицам Мортаня, разглядывая товары на лотках. В постный день^[36] у прилавка торговца рыбой собралась целая толпа. Слышались пересуды почтенных хозяек и служанок. Происхождение рыбы сделалось предметом самых ожесточенных споров. Неужели эти удильщики^[37] выловлены в Сен-Флорентене? Что же касается этих миног, чем можно доказать, за исключением честного слова торговца рыбой, что они прибыли из Нанта, или что эти скаты прямо из Ларшама? С тем, что лососи привезены из Анже, все дамы милостиво согласились. И потом, сколько дней понадобилось для их перевозки?^[38] Кокон из травы, которыми была обмотана каждая рыбина, чтобы предохранить ее от жары и кишаших везде мух, казались достаточно свежими... Однако что мешает заменить кокон из увядшей травы свежим, чтобы выдать рыбину за только что выловленную?

Несчастный торговец рыбой, которому приходилось каждый базарный день выслушивать одни и те же замечания, полные подозрений и беспощадной критики, изо всех сил старался оправдаться и доказать свою честность.

Какая-то кухарка кричала ему прямо в лицо:

– Если мои хозяева слягут от колик или поноса, то виноваты будете только вы! Так и знайте! И нечего тут мне зубы заговаривать!

* * *

Ардуин Венель-младший вошел в лавочку аптекаря, который вырвал у своих соперников право торговать самыми разными мазями, лосьонами, притираниями^[39], которые должны обеспечить красивую кожу, благозвучный голос^[40] и густые волосы. Здесь же находилось двое

еще молодых кумушек, обсуждавших достоинства мази для лица. Они обернулись к вошедшему, и невольная улыбка появилась на губах одной из них. Какой симпатичный мужчина! Как он элегантно одет, какие у него темные волнистые волосы, спадающие на плечи! Кожа бледная, ни одного пятна или отметины^[41]; такого ни одна девица не пропустит. И, наконец, у незнакомца на поясе короткая шпага. Явно мужчина из благородных, тут нечего и сомневаться^[42]. Жеманясь и стараясь привлечь его внимание, женщина просюсюкала:

– Пожалуйста, проходите перед нами, мессир. Нам нужно еще посоветоваться о своих покупках.

Он поклонился и медленно произнес низким голосом, который поверг в дрожь молодую кумушку:

– Благодарю вас, мадам.

Обе не спускали с него глаз все время, пока он покупал лосьон для рта.

Поклонившись им еще раз, Ардуин вышел из лавочки. Неясная грусть переполняла его. Если б эти женщины знали о его занятии, они постарались бы даже не смотреть на него, как если бы он был заразным больным. Он в тысячный раз подумал о том, что если бы его старший брат не скончался, то он бы унаследовал отцовскую должность, а его сын стал бы помощником. Ардуин, возможно, смог бы пуститься в приключения, стать солдатом или хирургом-цирюльником. Он чувствовал себя буквально раздавленным невыносимым грузом трех поколений исполнителей Высокого Правосудия. Эх! Судьба распорядилась совсем по-другому. В глубине души Ардуин Венель-младший допускал возможность иной жизни, мыслями он не раз возвращался к этому, как если бы предназначение мало значило для него. Судьба беспощадно потащила его в грязь, чтобы затем стать ласковой и превратить его в богатого, очень богатого человека.

* * *

Он помнил об этом так ясно, будто эта встреча была вчера.

Умирая, очень богатый галантерейщик^[43], вдовец, дети которого умерли еще раньше, послал за ним как-то вечером, нимало не беспокоясь, что соседи увидят, как палач входит в его дом. Старик хрипел. С левой стороны шеи у него выросла опухоль величиной с куриное яйцо. Несмотря на свое плачевное состояние и слабость, он не переставая ругал всех священников, колдунов и врачей, от которых никакой пользы; они, мол, только выманили у него кучу денег. Путаясь и захлебываясь словами, старик спросил:

– Палач, говорят, что вы лучшие хирурги. Это правда?

Молодой Ардуин возразил ровным спокойным голосом:

– Мы в совершенстве владеем этим искусством... для определенных целей. Являемся ли мы лучшими? Я не берусь этого утверждать.

– Ладно, действуй, друг! Давай, отрежь эту пакость. А то еще немного, и я подохну. Я уже чувствую, как смерть целует меня в лоб. Она так воняет! Если ты сможешь дать мне еще немного пожить, то увидишь: я умею быть благодарным.

Операция предполагалась довольно сложная и опасная. Ардуин знал, что под кожей расположено множество вен и артерий. Стоит чуть сильнее провести ланцетом^[44], делая

надрез, и старик отдаст Богу душу... Мэтр Правосудие задумчиво покачал головой и спросил:

– Итак, месье, вы отдаетесь в мое распоряжение, чтобы я смог вам оказать эту услугу?

– Что для этого нужно? – пробулькал несчастный галантерейщик.

– Мне понадобятся чистые тряпки и таз с водой. Еще были бы совсем не лишними два кувшина вашего лучшего вина. Вы очень облегчите мою работу, если напьетесь до полного бесчувствия. Иначе от страха вы можете завизжать, как резаный поросенок.

Издав придушенный смешок, галантерейщик наклонил голову в знак согласия.

Они выпили, а потом еще и еще. Ардуин благоразумно едва пригубил из своего бокала; галантерейщик же наливался вином, как бездонная бочка, без умолку рассказывая истории из своей жизни, как если бы сидел со своим приятелем за столиком какого-нибудь трактира. Окончательно захмелев, он все время повторял:

– Друг, ты пришелся мне по сердцу. Еще как! И почему у меня нет такого сына, как ты? Эти хилые бабы отдали концы, не оставив потомства! Как же тебе не повезло родиться в семье палача и всю жизнь безвинно страдать от этого...

Наконец старый галантерейщик допился до полного бесчувствия. Ардуин поднес ланцет к его горлу. Вся операция длилась не более получаса. Несмотря на то, что в комнате было довольно прохладно, горячий пот заливал лицо Венелю-младшему, руки его все были обгарены кровью. Пьяный старик стонал, время от времени открывая глаза и уставившись куда-то в пространство бессмысленным взглядом. Ардуин без устали повторял:

– Не шевелитесь, иначе я случайно могу вас зарезать, как свинью.

Наконец все было закончено. Ардуин бережно обмыл рану, которая зияла на месте вырезанной опухоли, приложил компресс, смоченный в настойке чабреца^[45], и осторожно забинтовал шею.

Пять дней спустя вечером служанка галантерейщика пришла к нему, принимая все меры предосторожности, чтобы никто не видел, как она входит в дом палача, и принесла более чем значительную сумму. Хозяин велел передать эти деньги в благодарность за услугу.

Галантерейщик выжил и, несмотря на то, что еще месяца три испытывал сильные боли, в конце концов окончательно поправился.

Ардуин тайком заходил проведать старика, который радовался своему чудесному спасению и теперь как никогда ценил каждое мгновение своей жизни. Они выпивали по несколько стаканов вина и расставались как самые лучшие друзья.

Однажды, спустя четыре года после операции, когда Ардуин не заходил к своему галантерейщику уже несколько недель, к нему постучался одетый в черное служащий нотариальной конторы и передал извещение. Каково же было удивление Ардуина Венеля-младшего, когда тот узнал, что является наследником немалого состояния галантерейщика, скончавшегося несколько дней назад. Также он теперь являлся собственником большого дома.

Молодой палач более чем разумно распорядился своим капиталом. Он купил лавку мясника, которую содержали нанятые им люди, вложил деньги в гильдию Мастеров Высокого Правосудия, приобрел доли на нескольких мельницах и открыл в своем регионе несколько контор по сдаче лошадей внаем. Деньги продолжали стекаться к нему. Венель-младший мог бы оставить должность палача, уехать, поменять имя. Но, странное дело, он не смог на это решиться. Тем не менее теперь Ардуин мог позволить себе покупать книги, картины, красивые вещи. Однако хотя мелким дворянам очень нравился его дом, никто так

и не откликнулся на его приглашение заглянуть в гости, даже последний слуга из дома каких-нибудь буржуа.

По зрелом размышлении Венель-младший пришел к выводу, что абсолютное одиночество отверженного, то, что в глазах остальных отличает его от других людей, покрывая несмываемым позором, в какой-то мере даже льстит ему. Эта мысль помогала Ардуину переносить обиды от всех тех, кто постоянно отвергал его. Принеся себя на алтарь правосудия, подвергаясь постоянным насмешкам, он нес свою службу. Хищник превратился в жертвенного агнца. Так или иначе, он принял свою судьбу.

* * *

Несмотря на то, что было еще очень раннее утро, Ардуин ощутил, как голод все сильнее терзает его внутренности, и вошел в таверну «Белый кинжальщик»^[46] – заведение довольно высокого уровня. Мэтр Кинжальщик^[47] тотчас же поспешил навстречу посетителю благородной наружности, который был у него довольно частым клиентом.

– Мессир, какое счастье, какая невероятная честь для меня видеть вас здесь! – воскликнул трактирщик, бросая косой взгляд на двух уже сидевших клиентов.

Ардуин, едва войдя, заметил, что те уже несколько навеселе, и выбрал стол как можно дальше от них.

– Взаимно, – ответил он. – Кувшин вашего лучшего вина и блюдо... не знаю, что сейчас готовится на вашей кухне.

– Сегодня постный день, поэтому могу предложить пирожки с тресковой^[48] икрой, их только что испекли; еще оладьи без сыра^[49] и – чуть не забыл – яблочная запеканка с медом, о которой вы мне как-то говорили.

– Что же, более чем привлекательное меню, мэтр Кинжальщик.

Трактирщик устремился на кухню, не переставая улыбаться широкой дежурной улыбкой. Два других посетителя тем временем подняли возню и порядком действовали Ардуину на нервы. «Белый кинжальщик» гордился своей репутацией семейного заведения, куда могли прийти посидеть с удовольствием даже дамы, не опасаясь, что непристойные речи могут оскорбить их слух. Трактирщик хотел набраться решимости и почтительно попросить шумных посетителей удалиться. Без сомнения, это были благородные господа. Во всяком случае, один из них.

Грубый смех послышался со стороны стола, расположенного на другом конце длинного зала. Ардуин Венель-младший осторожно повернул голову, впервые разглядывая сидящих за столом. Одного из них он сразу узнал – того, что бессвязно бормотал самым фривольным тоном:

– Ну и что тут такого? Я взял эту дамочку сверху, как последнюю шлюху. Славная вышла забава! К тому же, несмотря на то, что она отчаянно сопротивлялась, я более чем уверен, что женщина получила удовольствие.

Разразившись омерзительным хихиканьем, он продолжил:

– Еще бы! Ее хилый старик муж способен только перепачкать ей кожу на животе своим жиром. Не удивлюсь, узнав, что он давно ни на что не способен, особенно на то, чтобы удовлетворить красотку. А тут ее наконец-то почтил своим вниманием полнокровный

мужчина! Другие на ее месте рассыпались бы в благодарностях! Ну да, она сопротивлялась... Но кто же не знает женщин; все их жалобы и обвинения не более чем пустая формальность. А сколько разговоров из-за такой малости! В конце концов, ей было о чем вспомнить, когда она отдавала Богу душу.

Его собеседник, который был немного трезвее, делал ему отчаянные знаки, призывая говорить потише.

Жак де Фоссей, убийца Шарля де Сальвена. Тот, из-за кого загорелся костер, пожравший Мари де Сальвен, его жертву. Будто ледяная волна окатила мозг Ардуина. Когда мэтр Кинжальщик поставил перед ним кувшин, стакан и блюдо с лакомствами, он бросил на него отсутствующий взгляд. Затем, заплатив и пробормотав невнятные извинения, мэтр Правосудие поспешно вышел.

* * *

Ощущая неприятную пустоту в голове, Ардуин бесцельно бродил по улицам Мортаня, толком не отдавая себе отчета, сколько времени провел за этим занятием. Две противоположные мысли крутились в его мозгу, сталкиваясь и будто перекликаясь друг с другом. Он не был тем, кто вершит суд, и поэтому смерть невинного человека произошла не по его вине. Но как же он не почувствовал ее искренности в тот момент, когда связывал ее на костре? И что самое худшее: почему он не помедлил хотя бы одно мгновение и не спросил эту женщину, что придает ей силы перед лицом ужасной мучительной смерти, во что она верит? Если б только она солгала, признавшись в клятвопреступлении, которого не совершала, тогда бы ее ждало только обезглавливание – быстрая и сравнительно легкая смерть...

Венель-младший заглянул к Фрингану^[50] – лучшему жеребцу его конторы по найму лошадей, – едва заметив обычные почтительные поклоны прислужника, которому доверил эту деликатную работу. Ардуин настолько через силу ответил на его приветствие, что тот даже забеспокоился:

– Господин, с вами все хорошо? Вы такой бледный, такой изнуренный... Стакан сладкого вина с корицей и медом должен вас взбодрить. Я могу пойти за ним на кухню.

– Благодарю, любезный, но я уже должен идти. Скорее всего, меня просто утомила эта длительная прогулка.

* * *

Всю обратную дорогу мысли о Мари де Сальвен не выходили у него из головы. Ардуин будто снова видел ее – одетую в платье из грубой некрашеной ткани, босиком, с поспешно обстриженными волосами и зелено-голубыми глазами, чуть вытянутыми к вискам. Она так стойко переносила выпавшие ей страдания... В ушах его снова звучал ее голос, так же ясно, как если бы Мари де Сальвен сейчас шла рядом с ним.

В моей душе мир, я невиновна... Я желаю видеть вас до самой последней секунды. Вас, священника и эту толпу. Вы будете лицом бесчестья, того, что я уношу с собой в могилу...

Но почему она? Ардуин Венель-младший был достаточно проникательным, чтобы

предположить, что Мари была не единственным невинным человеком из тех, кого он за свою жизнь отправил на тот свет. Почему она, почему именно сегодня? Он снова и снова задавал себе этот вопрос, не в силах ответить на него. Может быть, это перст судьбы, как и всегда?

Одна мысль об ужине вызывала у него тошноту, и он отправился спать под немного удивленным взглядом Бернадины, которая служила у него в доме уже два года. Набожная женщина, постоянно раздающая милостыню. Еще молодая вдова нормандского палача, она предпочитала не обнародовать правду о своем прошлом. Всякий раз эта сильная женщина заявляла без пафоса, но и без вызова:

– Мой муж не был ни плутом, ни мошенником, и он не выбирал профессию, которую должен был унаследовать от отца и деда. Молчать об этом для меня все равно что заново родиться. Я будто выплевываю все это из своей памяти.

Бернадина ни о чем не стала спрашивать своего молодого хозяина. Она прекрасно знала, что означает такой затуманенный взгляд, такая пепельная бледность. С ее мужем иногда такое случалось. В такие вечера не было обычных разговоров; муж сидел, уставившись куда-то в пространство невидящим взглядом. В последний раз нечто подобное произошло, когда он исполнил наказание в виде отрубания руки. Осужденный за браконьерство был совсем молод, почти мальчик. На этот противозаконный поступок его побудили муки голода, терзавшие его уже долгое время. Ему не оставалось другого средства, чтобы поддержать свое существование. Обвиняемый клятвенно заверял в этом судей, тщетно взывая к снисходительности и милосердию...

* * *

Ардуин Венель-младший на долгие часы погрузился в дремотное забытие, наполненное обрывками снов, странными и непонятными видениями. Он дрожал в приступе сильнейшей лихорадки, от которой все его тело покрывалось ледяным потом, отчего ночная рубашка моментально делалась мокрой, изо всех сил стараясь сбросить с себя это кошмарное оцепенение, – но тщетно. Как будто беспощадные тиски сдавили ему грудь, перемалывая кости, так же, как он сам делал множество раз. Смутный шум, который наполнял его разум, внезапно стал оглушительным криком. Завывания, душераздирающие жалобы, рыдания, мольбы. Крики, неизменно сопровождающие ужасную смерть, давно ставшую главной частью его жизни. Должно быть, ад так и выглядит – точным подобием его полуобморочных кошмаров. Его корчили сильнейшие судороги, исторгающие из груди жалобные стоны. Он отбивался от охвативших его кошмаров, изо всех сил пытаясь вернуться в сознание. Ему казалось, что к нему притрагиваются липкие теплые руки, терзают его когтями и тащат в какое-то незнакомое место, откуда ему уже никогда не выбраться. Перед мысленным взором Ардуина появлялось отвратительное болото, зыбучие пески, готовые погрести его под собой. Дышать ему становилось все труднее. Женщины, осужденные на смерть, которых он зарыл в землю живыми, вернулись, чтобы неотступно преследовать его. Женщин было не принято вешать из опасения перед непристойным зрелищем, которым могло стать для находящихся внизу платье, задравшееся под ветром^[51]. Их целомудрие было спасено, в то время как они задыхались, царапая землю в безумной отчаянной надежде освободиться.

Палач и сам задыхался, заблудившись в той чудовищной стране, откуда он никак не мог выбраться, но внезапно прохладная ладонь прикоснулась к его пылающему лбу. Голос,

который он когда-то давно уже слышал, прошептала: «Я вас простила, теперь вы это знаете».

Мари де Сальвен!

Ардуин резко открыл глаза, вытянувшись на своей кровати, будто утопающий, спасенный в тот момент, когда он уже было простился с жизнью. Теперь он снова мог свободно дышать. Почему у него предплечья в крови? Почему их покрывает множество царапин? Ардуин внимательно разглядел свои ногти, но ни под одним не увидел красной полоски. Он встал с кровати и, пошатываясь, пересек комнату. Его губы слиплись от жажды. Ухватившись за перила каменной лестницы, Ардуин с трудом спустился и направился в кухню. Поставив перед собой зажженный светильник^[52], Бернадина устроилась на скамейке, стоявшей возле длинного стола из темного дерева. Услышав шаги, она повернула к нему голову, и ее взгляд остановился на его расцарапанных предплечьях.

– Мне так хочется пить, – произнес Ардуин, с трудом выговаривая слова.

Она встала, чтобы подать ему воды. Палач пил долго, опустошив кружку и протянув ее, прося снова наполнить. После этого он тяжело рухнул на скамейку. Бернадина обтерла ему руки полотенцем, смоченным в настойке мальвы и чабреца. Котелок с теплым снадобьем висел у нее над очагом.

Не дожидаясь, пока он сам заговорит об этом, служанка тихо и внушительно произнесла:

– Проклятые души иногда могут приоткрыть двери ада. Выйти оттуда не в их силах, но, когда за ними следят чуть менее строго, они пытаются заманить туда других.

– С твоим мужем тоже так было?

– Гм...

– Но она не проклята. Господь принял ее с распростертыми объятиями. Она невинный ангел.

– Кто она?

– Женщина, осужденная на смерть. Как ее звали, не имеет никакого значения.

В самом деле, он предал ее мучительной смерти от огня, а она вырвала его из когтей проклятых душ. Он ее убил, а она его спасла от неведомого кошмара. Во всяком случае, он сам старался себя в этом убедить.

Почувствовав себя полностью обессиленным, Ардуин закрыл глаза и качнулся всем телом вперед, стукнувшись лбом об стол. Глубоко вздохнув, он наконец погрузился в глубокий сон без сновидений.

Бернадина бесшумно встала, прикрутила фитиль в светильнике и приблизилась к спящему. Погладив его по голове, она прошептала:

– Спи. Адские врата снова закрылись. Во всяком случае, на этот раз. Когда однажды ночью они снова приоткроются, ничто на свете не сможет их снова закрыть. Ты это скоро узнаешь. Очень, очень скоро.

*Окрестности Мортань-о-Перш,
сентябрь 1305 года*

Когда Ардуин Венель-младший проснулся, солнце было уже высоко. Всего нескольких мгновений ему хватило, чтобы понять, что он делает в кухне, развалившись за столом. К нему тотчас же возвратились все ужасы минувшей ночи. Мэтр Правосудие снова принялся разглядывать свои исцарапанные в кровь руки. Множество тонких царапин покрывали его кожу красной сеткой, вызывая воспоминания о кошачьих когтях. Но тем не менее он не испытывал никакой неловкости или боли.

Наперекор пережитым ночью ужасным кошмарам, Ардуин прекрасно чувствовал себя, он снова был свеж и бодр. Даже его разум вновь обрел привычные ясность и остроту.

И тем не менее он совершенно ясно ощущал, что непоправимая трещина прошла по его душе. Непреодолимая пропасть теперь разделяла его жизнь на «до» и «после». У него не было ни единой мысли относительно того, чем станет для него это «после».

Он должен был совершить разоблачение: убийство, не более и не менее. Из-за того, что это было именно убийство, изменилось все существование Ардуина; он теперь по-другому воспринимал живых существ, смерть и даже Господа Бога. Это убийство сделало все совершенно другим раз и навсегда. Убийство Мари де Сальвен.

Эта последняя мысль настолько сбила его с толку, что оставалось лишь недоуменно улыбаться. Его разум знал то, что ему самому было еще неизвестно.

* * *

Он окликнул Бернадину, которая появилась почти сразу же. Скорее всего, она была все это время где-то рядом, ожидая его пробуждения.

– Я голоден, моя добрая Бернадина. Голоден как волк.

– Какая радостная новость! Сейчас я принесу все, чем можно набить себе живот.

Ардуин поглощал принесенную служанкой еду с таким аппетитом, которого не испытывал никогда в жизни. Бернадина не сводила с него заботливого взгляда. Благоразумная служанка не стала задавать никаких вопросов, понимая, что хозяин и сам еще толком не знает ответов ни на один из них.

За супом с миндальным молочком и размоченным хлебом последовало обильное блюдо из птицы^[53], поданное прямо на корочке^[54] с овощным пюре. Ардуин с жадностью проглотил все это, заев свежим сыром, а затем набросился на сладкий фруктовый десерт^[55]. Все эти лакомства он залил стаканом^[56] тонкого дорогого вина и попросил Бернадину присоединиться к нему. Та налила себе вина с множеством предосторожностей, из страха как-нибудь повредить драгоценный стеклянный стакан, и уселась напротив него, довольная этим знаком привязанности и почтения.

– Отметим, – предложил он.

– Что же?

– Не знаю. Однако я уверен, что у меня есть что отметить.

Они осторожно поднесли свои стаканы друг к другу, а затем выпили в полном

молчании. С предыдущей ночи Бернадина испытывала смутное волнение. Где потерялся рассудок ее хозяина? В каких несчастных краях? Вернулся ли он невредимым из своего путешествия, свидетелем которому она уже однажды была? Женщина была убеждена, что в своих кошмарных видениях ее покойный супруг сам поджаривался на медленном огне. Жиль так и не оправился после одной такой ночи. Он превратился в еле живую развалину, отказавшись разговаривать и все время воскрешая в памяти ужасные видения. Ночи напролет он задыхался, издавая жалобные стоны и обливаясь потом. Это происходило всякий раз, пока ей не удавалось его разбудить. Без всяких видимых причин сильный мужчина потихоньку угас, подобно пламени свечи. Как будто вся жизнь высасывалась из него какой-то темной силой, которую Бернадина даже не знала как назвать.

– Ты такая молчаливая...

– Я жду вашей воли.

– Сомневаюсь, чтобы дело было в моей воле, доброй или злой. Это не имеет равным счетом никакого значения.

– Что-то я вас совсем не понимаю, хозяин.

– А я и сам себя не понимаю. Я жду. Жду того, что должно внезапно произойти. Скажи, чтобы оседлали Фрингана. Мне нужно прогуляться, подышать свежим воздухом.

Женщина согласно кивнула в ответ. Страх будто обвивался вокруг ее сердца, скручиваясь тугими узлами.

* * *

Ардуин оседлал великолепного черного жеребца, своего верного товарища на протяжении многих лет. Жеребец вздрагивал, нервно поднимал голову, издавая пронзительное ржание и взмахивая гривой. Ардуин погладил его по шелковистой шее, ласково успокаивая. Слова, которые сами шли с его языка, явились верным отражением того, что сейчас происходило в самой глубине его существа.

– Я все тот же твой хозяин, мой прекрасный верный конь, просто я вдруг сам стал другим.

Благородное животное успокоилось. Совершенно бездумно Ардуин направился в сторону Мортаня. Он въехал в город чуть позже шести вечера и направился к дому, который занимал помощник бальи, когда у него были какие-нибудь дела в этом городе.

Слуга попросил его подождать, а затем провел к своему хозяину. Арно де Тизан был очень удивлен появлением палача. Его взгляд остановился на рукаве Ардуина, и помощник бальи ядовито заметил:

– Я не вижу вашей эмблемы.

– Это так. Вы не видите эмблемы, потому что вы не видите палача.

Заместителю бальи понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать свою причастность к происходящему. Лицо его приняло отстраненное строгое выражение.

– Ах нет? Так вам не нравится, что все девицы легкого поведения бегут от вас в страхе? Кровь, крики теперь вызывают у вас ужас? Нет, только не у вас, самой лучшей руки королевства!.. Ради Бога, избавьте меня от всех этих монашеских сентиментальностей. Вы не можете... изменить своему предназначению. Наконец, я... государство испытывает настоятельную необходимость в вашей службе.

После некоторого размышления Ардуин медленно произнес:

– Ужас? Вовсе нет, мессир. Пока Фринган нес меня на своей спине, я понял, что меня заставляет страдать нарушенное равновесие.

– Да вы что, с ума сошли? – вспыхнул помощник бальи. – Какое еще равновесие?!

Взгляд светло-серых глаз мэтра Правосудие Мортаня сделался беспощадным. Неожиданно губы его растянулись в легкой улыбке, и Ардуин произнес очень вежливым тоном:

– Мне нужна голова Жака де Фоссея. Я слышал, как он хвастался совершенным насилием. Я сам обезглавлю его, не спрашивая за это никакой платы. Я требую, чтобы честь мадам Мари де Сальвен была восстановлена публично, чтобы ее останки были вырыты и похоронены в освященной земле, как того заслуживает эта достойная женщина.

Арно де Тизан не привык, чтобы с ним говорили в подобном тоне. Однако он вытерпел эту наглость со стороны того, кто в его глазах был ничтожнее самого последнего слуги, – своего палача. Ну и ну! И этот человек держится с таким поразительным чувством собственного достоинства и с такой благородной суровостью...

– А если нет, то что будет? – все же осведомился он.

– Если нет? Я сделаю это втайне, а потом исчезну. Вам придется найти другого мэтра Правосудие Мортаня. На это место не так уж много желающих, позвольте заметить.

Несколько мгновений Тизан судорожно размышлял, к какой бы увертке прибегнуть, понимая, что неожиданный посетитель вовсе не шутит. И как ему обойтись без Венеля-младшего, особенно после того, как мастер Высокого Правосудия из Беллема так внезапно скончался?

– Вы абсолютно уверены относительно Фоссея?

– Безусловно. Он в открытую хвастался своим гнусным бесчестным поступком. Это был именно он, я абсолютно в этом уверен. Я легко узнаю его спутника, и он может засвидетельствовать мои слова.

– Хорошо. Жака де Фоссея завтра известят о том, что против него выдвинуто обвинение и что ему запрещено покидать округ. Расследование начнется немедленно. Берегитесь, Венель-младший. Если вы впутываете меня в щекотливую историю, я вам этого не прощу.

* * *

Ардуин покинул дом заместителя бальи. Он не был уверен в благоприятном исходе дела. С того самого момента, как палач проснулся, его не покидало ощущение, что он двигается, подталкиваемый чьей-то рукой, прохладной и благожелательной.

Ардуин не сомневался в словах заместителя бальи. Во всяком случае, монсеньор де Тизан был благородным человеком, но одновременно он был политиком. Старый лис^[57], большой мастер избавлять себя от лишних невзгод.

Месье Правосудие Мортаня лучше, чем кто-либо другой знал, что суд для какого-нибудь деревенщины^[58], оборванца или серва^[59] сильно отличается от того, что применяется в отношении к высокородным господам. Если бы Жак де Фоссей был каким-нибудь шорником, изготавливающим конскую упряжь, или красильщиком тканей с синими ногтями^[60], его бы тут же арестовали и бросили в тюрьму или в подземелье даже до начала

расследования.

Ардуин удивился, обнаружив, что находится под вывеской заведения «Белый кинжальщик». Он спустился на несколько ступенек по лестнице, ведущей в большой зал. Мэтр Кинжальщик, который был немного обеспокоен его внезапным уходом в прошлый раз, поспешил ему навстречу.

– Мессир, мессир, какая радость снова вас видеть! Мне так неловко, что...

– Прошу меня извинить. У меня внезапно возникло срочное дело после того, как я с отвращением услышал разговор ваших других посетителей.

– Даже не говорите мне об этом! Мне стоило такого труда уговорить их уйти до полудня, ведь в этот час всегда наплыв посетителей... Я так матушке Кинжальщице и сказал: раз уж ты пришел сюда, нализавшись всякой кислятины, не заказывай еще вина. Или делай это не в моем заведении.

– Скажите, эти люди постоянно у вас бывают? – как бы невзначай спросил Ардуин, устраиваясь за столом.

– Только не этот дворянчик. Второй – да, один из постоянных посетителей. Жермен Фланш, здешний богатый фермер. У него здесь в городе лавочки и кое-какие коммерческие дела. Большое состояние! Он здесь обычно останавливается и любит пропустить стаканчик-другой хорошего вина, но такого с ним раньше никогда не случалось. Я был так удивлен и обескуражен... Мессир, я всем сердцем желаю, чтобы вы не судили меня за это строго.

– Что вы, мой друг. Вы не виноваты, что эти люди так себя вели, – заверил его Ардуин, в глубине души очень довольный тем, что ему удалось узнать имя того, с кем ему нужно встретиться. – Мы с вами принадлежим к породе сильных людей и способны слушать непристойные и фривольные речи, при этом не задыхаясь от смущения. Но представьте себе, если бы в этот момент здесь присутствовали дамы...

– Что верно, то верно! Они бы разволновались и были бы до крайности недовольны. А ведь так недолго и клиентуру потерять. Я только и мечтаю, чтобы эти двое наострили лыжи куда подальше...

– Ладно, оставим это. Сегодня мы здесь в хорошей компании. А теперь я прошу вас, мэтр Кинжальщик, принесите кувшин вашего превосходного вина и малую тарелку ваших лакомств.

* * *

Ардуин быстро нашел великолепную ферму Жермена Фланша, расположенную между Мортань-о-Перш и Гайером. Громадный зажиточный дом, который, судя по виду, поддерживался в прекрасном состоянии, был построен в форме подковы – планировка, очень распространенная в этом округе. Около полудюжины лакеев и служанок хлопотали в просторном квадратном дворе, вид которого служил еще одним доказательством, что дом принадлежит хозяину здешних мест. Мэтр Правосудие узнал, что хозяин отправился взглянуть на скотомогильник, находящийся примерно в четверти лье на запад.

Он знал это место, неприглядное название которого хранило память об эпидемии «белой заразы»^[61], истребившей стада овец несколькими десятилетиями раньше. Была выкопана яма, чтобы бросать туда останки и потом засыпать негашеной известью, чтобы пресечь распространение этой ужасной эпидемии^[62].

Ардуин Венель-младший узнал человека, стоявшего на краю поля, несмотря на то, что он находился на расстоянии в несколько туазов. Это был тот самый пьяница из таверны. Краснолицый, неповоротливый, несмотря на достаточно низкий рост, из-за непомерной толщины он обильно потел под своей шляпой. Жермен Фланш издали заметил силуэт нежданного посетителя. Его одежда, прекрасно сшитая, но строгого и немного устаревшего фасона, выдавала недоверчивость, характерную для тех, кто не любит демонстрировать свое богатство из страха, что все будут бессовестно пользоваться их великодушием и в итоге обернут до последнего денье.

Ардуин спешил и привязал поводья Фригнана к нижней ветке какого-то дерева. Вежливо улыбаясь, он приблизился к фермеру.

– Мэтр Фланш? У меня есть к вам небольшое дело.

Тот резко повернулся, внимательно глядя на приближающегося к нему высокого элегантного мужчину. Во взгляде толстяка ясно читалось любопытство и недоверие.

– Месье?

– Венель. Ардуин Венель.

– Извините, не помню, где мы с вами встречались.

– Да, конечно. Я имел... удовольствие оказаться одновременно с вами в таверне. С вами и вашим другом Жаком де Фоссеем.

Фермер, глядя на него, пытался догадаться, к чему клонит неожиданный гость, и наконец осторожно протянул:

– Друг, друг... Я всего лишь в какой-то мере хозяин этих земель [\[63\]](#).

– Должно быть, в тот день вы немного опьянели от своих щедрот, раз ничего не помните. Вы с ним говорили о какой-то «даме, которую поймали, как непристойную девку».

Хитрец попробовал ускользнуть от ответа.

– Венель, говорите? Я вас совсем не знаю. Какая еще дама? Какая девка? Оставим это, месье. Я не понимаю, о чем вы таком говорите. У меня сейчас случится разлитие желчи.

Взгляд пронзительных серых глаз немного затуманился. Ардуин вздохнул.

– Что же, очень жаль.

Три вытянутых пальца устремились к гортани фермера. Тот рухнул на колени, хрипя, задыхаясь; от боли слезы хлынули на его красные жирные щеки. Венель-младший приблизился и, схватив его за руку, быстрым движением выломал мизинец. Раздался хруст, за которым последовал хриплый пронзительный вой.

Вдалеке жнец поднялся на ноги, поворачиваясь во все стороны, не понимая, что за звук только что долетел до его ушей. Наконец, успокоившись, он вернулся к своему занятию.

– Мне продолжать или твоя желчь уже успокоилась? А как с твоей памятью, она прояснилась наконец? Итак, эта дама... Да отдышись ты, я никуда не тороплюсь. Знаешь ли, я могу сделать тебе еще хуже – например, одну за другой переломать каждую косточку твоего тела. И ты останешься жив столько, сколько мне понадобится. Так что выбирай сам.

– Так ты... – торопливо запыхтел толстый фермер.

– Только не произноси слова «палач», а то ты меня рассердишь. Я мэтр Высокое

Правосудие. Тот, кто ужасным способом отнял жизнь у этой дамы, которую твой друг Фоссей отымел, как непристойную девку, изнасиловал, воспользовавшись отсутствием ее супруга... Ну так выбирай.

Фермер сунул палец себе в рот, стараясь утихомирить боль. Не сводя с него пристального взгляда, Ардуин схватил собеседника за вторую руку. Тот в ужасе забормотал:

– Нет, нет, смилуйтесь... Чего вы от меня хотите...

– Правды. Справедливости. Ты сейчас же пойдешь просить аудиенции у помощника бальи мессира Арно де Тизана. Он уже ждет твоего визита. И ты перескажешь ему слова Жака де Фоссея.

– Нет, он же расправится со мной, – умолял Фланш, охваченный безумным ужасом.

– Если только его не бросят в тюрьму. В противном случае я сам займусь тобою, и твоя агония будет бесконечной. Ты будешь готов проклясть собственную мать за то, что произвела тебя на свет. Все мое искусство будет к твоим услугам, а оно поистине безгранично. Выбирай же.

Венель-младший принялся медленно и осторожно выворачивать кверху три пальца на левой руке Жермена Флаша. Тот попытался было отбиваться, подняться на ноги, но удар ноги посередине грудины снова выбил из него дыхание. Фермер тяжело рухнул на бок. Ардуин терпеливо ждал. На его изящном лице не отразилось никаких эмоций. Ни один человек, каким бы ловким или массивным он ни был, не смог бы устоять против него. Еще в юности палач выучил, где находятся самые чувствительные места человеческого тела; те, удары по которым будут наиболее болезненными. Он знал, как заставить человека потерять сознание, воздействуя на тыльную часть руки, или, наоборот, не позволить ускользнуть в блаженное забытие.

Ардуин испытал облегчение, поняв, что испытанный им накануне ночной кошмар, прохладная рука, притронувшаяся к его пылающему в горячке лбу, не сбили его с пути, на который наставил его когда-то отец. Путь, приведший его к тому странному состоянию, в котором он находился сейчас, исполняя свою работу: совершенное безразличие к ужасу и страданиям другого человека.

Корчась от боли, Жермен Фланш усердно затряс головой в знак согласия.

– Скажи, что сделаешь это. Поклянись пред лицом Господа. Поклянись своей душой, – потребовал мэтр Правосудие Мортаня.

– Я клянусь своей душой, что донесу отвратительные речи Жака де Фоссея господину бальи, – пролепетал фермер. – После всего этот гнусный злодей мне вовсе не приятель.

– Если ты только вздумаешь мне соврать, берегись, мой друг! Поверь, чтобы вызвать мой гнев, надо быть уж вовсе бесчувственным болваном!

С этими словами Ардуин Венель-младший снова вскочил в седло и скрылся вдалеке.

Мортань-о-Пери, конец сентября 1305 года

Благодаря свидетельству Жермена Фланша взятие под стражу и судебный процесс против Жака де Фоссея прошли так быстро, как мэтр Правосудие Мортаня и не надеялся. Тем более что хлынул настоящий поток других свидетельств; свидетельствовали женщины всех сословий, над которыми он совершил насилие, а также всплыли истории о тех женщинах, которые после надругательства совершили самоубийство. Судя по всему, Жаку де Фоссею было свойственно грубо отбирать то, что ему отказывались дать добровольно. И в этом случае он получал куда больше удовольствия.

Вся его надменность и спесь фата, с которой он сначала свысока принимал заявления многих дам, обвиняющих его в изнасиловании и клятвопреступлении, быстро испарились, стоило ему свести во время допроса близкое знакомство с искусством мэтра Высокое Правосудие. Все происходило согласно законам и обычаям: полчаса пыток по каждому из обвинений, выдвинутых против него. Ардуин переломал ему ноги, медленно вбивая клинья между пластинками «сапога»^[64]. Непристойная ругань, которую сначала без умолку изрыгал Жак де Фоссей, быстро сменилась завываниями и жалобными мольбами. Прислонившись к стене камеры пыток, с письменным прибором на шее, который почти что лежал на его объемистом брюхе, секретарь ждал признаний обвиняемого. И они не замедлили появиться. Жак де Фоссей подробно изложил, как совершил насилие и нанес побои Мари де Сальвен и другим женщинам.

Ознакомившись со списком злодеяний, Арно де Тизан впал в ужасный гнев.

– Негодяй, бесчестный клятвопреступник! – кричал он. – Правосудие будет беспощадным.

В самом деле, судьи, назначенные заместителем бальи, вынесли самый суровый приговор, предусмотренный за такие преступления. Это произошло по окончании процесса, который длился всего лишь от полудня до вечера.

На следующий день виновного доставили на городскую площадь. Толпа, заранее проведавшая о готовящихся пытках, перетаптывалась и шумела в нетерпении.

Секретарь заместителя бальи громко прочел приговор и протянул его мэтру Правосудие Мортаня, одетому в кроваво-красный камзол. Лицо палача было скрыто под маской из черной кожи. Тот быстро просмотрел лист, убедившись в отсутствии *retentum*^[65], который судьи иногда добавляли для палача. Обвиняемый знал об этом не больше собравшихся зевак, которым не терпелось увидеть, как он умрет, и досадовавшим на любое промедление.

Позор Жака де Фоссея был таким же вопиющим событием, как и возвращенная честь мадам Мари де Сальвен и ожидавшее ее перезахоронение. Жертва насилия будет погребена в освященной земле рядом со своим супругом.

В первый раз за всю свою карьеру мэтр Правосудие Мортаня не стал склоняться в поклоне перед обвиняемым. Напротив, он грубо толкнул его, а затем исполнил приговор, к великой радости толпы, которую забавляли бесконечные звериные стенания де Фоссея. Обвиняемый был публично оскорблен под овации и грубые непристойные шутки черни. Затем он был распят между четырьмя жеребцами-тяжеловозами из Перша, которых Ардуин Венель-младший сначала пустил медленным шагом, чтобы, к удовольствию собравшихся, пытка длилась как можно дольше. Когда после долгих мучений де Фоссей был уже в агонии,

бесчувственный ко всему, что с ним происходит, мэтр Правосудие Мортаня вместе с юным учеником Селестином отнесли его на эшафот, где в знак окончательного бесчестья повесили как нищего.

Искореженные окровавленные останки были сняты и отвезены к виселице на шести столбах, оставленной для графов^[66], которая находилась за городскими стенами, чтобы избежать невыносимого запаха падали. Там висели трупы тех, кому из-за их гнусных деяний было отказано в христианском погребении. Они обречены висеть до полного разложения, служа пищей для птиц, покуда веревка не оборвется. Селестин в глубине души поздравил себя с тем, что Фоссей был четвертован и повешен. Чтобы подвешивать обезглавленных, требовалось продеть веревку им под мышки. Трудная работа, во время которой не обходилось без того, чтобы перепачкаться свернувшейся кровью. Маленькие дети, поощряемые своими родителями, последовали за процессией, посмеиваясь над тем, как, наверно, тяжело быть подмастерьем палача. Следом шли люди бальи. Когда все было закончено, многие из толпы стали подбирать камни и забрасывать ими безжизненные останки Жака де Фоссея.

* * *

Ардуин Венель-младший вернулся домой, чувствуя себя совершенно опустошенным. Мучения и смерть гнусного подлеца доставили ему одновременно и удовольствие, и огорчение. Так же, как во множестве других случаев, он просто выполнил свою работу. С другой стороны, его опьяняла одна мысль, что справедливость восторжествовала и Мари де Сальвен снова обрела свою честь. Он, отверженный, тот, кого почти не считают за человека, вернул правосудие и людей на путь истины.

Бернадина приготовила своему молодому хозяину ванну^[67] с теплой водой, в которую было добавлено изрядное количество отвара липы и мальвы. Когда он разделся^[68], женщина снова отметила про себя, что Ардуин – красивый и сильный мужчина. Разумеется, он уже давно не был девственником. Иногда он не ночевал дома, и Бернадина догадывалась, что он встречается с женщинами. Однако Венель-младший никогда не упоминал ни об одной из них, в то время как столько хорошеньких дочек палачей были бы рады такой партии... Ах, хозяин еще так молод! Придет время, и он наконец решится обзавестись супругой.

Оставшись один, в медной бадье, полной ароматизированной воды, Ардуин позволил своему рассудку впасть в некое блаженное оцепенение. Он чувствовал полнейшую безмятежность и умиротворение. Должно быть, его посетили видения, которые обычно приходят к человеку, погруженному в сладкую дрему. Но их продолжение было настолько реальным, что он почувствовал это всей кожей.

Уже засыпая, беззаботно закинув руки за голову, Ардуин внезапно ощутил, как кто-то нежно проводит рукой по его боку, теплоту руки, скользнувшей через плечо и обвившейся вокруг шеи. Затем он почувствовал поцелуй, который пришелся точно в подмышку, затем длинные мокрые волосы нежно провели по его груди. Больше всего на свете Ардуину не хотелось пробуждаться от этого сладостного видения, но все же он поднял тяжелые веки, прошептал:

– Мари?

Ощущение обвившегося вокруг него женского тела длилось еще несколько мимолетных

мгновений, чтобы затем рассеяться, коснувшись и его кожи, и души. Блаженное состояние сменилось ощущением смутной печали. Он, обреченный на вечное одиночество, которое, честно говоря, давно воспринималось им как что-то привычное, вдруг почувствовал себя несчастным и покинутым.

После ванны Ардуин Венель-младший поужинал с людоедским аппетитом. Запахи, распространяемые кушаньями, казались ему опьяняющими, а их вкус – просто отменным, намного лучше прежнего. Он похвалил Бернадину, которая ждала, стоя за его стулом. Та удивленно прервала хозяина:

– Что вы... Я все приготовила как всегда. И вино из той же самой бочки, что вчера, позавчера и на прошлой неделе.

* * *

Ночь была на редкость причудливой. Глубокий мертвый сон чередовался у Ардуина с внезапными пробуждениями, во время которых острота всех чувств его просто ошеломляла. Настойчивое посвистывание сипухи, на которое тут же мстительно откликалось свиное уханье, вызывало у него улыбку. Ардуин понимал, что хищные птицы обмениваются угрозами, защищая свою охотничью территорию. Запах тимьяна и порошка из красного можжевельника, которые Бернадина рассыпала по маленьким матерчатым мешочкам^[69] и раскладывала по углам высокого шкафа, чтобы отпугнуть насекомых и, без сомнения, от дурного глаза, до сих пор был едва различим. Теперь же он ощущался так сильно, что это даже вызывало удивление. Где-то над головой слышались легкие, едва различимые звуки, как будто проносились вереницы каких-то созданий. Скорее всего, это мыши возились под кровлей. В ночной тишине эхом отражались мирные и в то же время мощные звуки биения его сердца, шум крови в артериях на шее.

Без всякого беспокойства и спешки Ардуин попытался проникнуть в тайну этой метаморфозы, которую ощущал всеми своими фибрами. Должно быть, в этом скрыт какой-то смысл, какое-то предназначение. Но внезапный сон прервал его размышления. Когда он снова проснулся, была еще ночь, но его мысли потекли с того самого момента, когда он был сражен сном. Кто является причиной происходящих с ним изменений? Господь Бог? Мари де Сальвен? Он сам? Множество тех, для кого он явился причиной преждевременной смерти? И, наконец, какое все это имеет значение?

Последовали периоды такого же бездонно глубокого сна, настолько короткие, что Ардуину казалось, будто он едва успел смежить веки. Это продолжалось до самого рассвета.

Встав с постели счастливым, сам не понимая причины переполнявшей его радости, он приступил к умыванию перед туалетным столиком.

Неожиданный сюрприз ждал мэтра Правосудие, когда тот спустился в кухню, чтобы подкрепиться. На скамейке его терпеливо ожидал не кто иной, как помощник бальи. На столе перед ним был стакан настойки и блюдо с мясом и слоеными пирожками. Прислонившись к низкой двери, ведущей в погреб, сложив руки на груди и опустив глаза, с самым решительным видом стояла Бернадина.

– Я не хотела тревожить ваш сон, хозяин. Он ведь так драгоценен. Все, кроме Бога, могут подождать.

Этот бунт служанки вызвал неуместную улыбку на лице Ардуина Венеля-младшего. Тотчас же он склонился перед де Тизаном, безмерно удивленный, что тот явился к нему сам вместо того, чтобы вызвать к себе. Помощник балли произнес немного ироничным тоном:

– Ваша упорная служанка наотрез отказалась подняться, чтобы разбудить вас, и составила мне безмолвную компанию. По правде говоря, это был скорее надзор. Может быть, она опасалась, что я могу похитить вашу свиную колбасу? Мэтр Правосудие, я должен с вами поговорить. Наедине.

* * *

Заметив требовательный взгляд хозяина, Бернадина сделала реверанс и удалилась. Нервно постукивая указательным пальцем по столу, де Тизан подыскивал подходящие слова с нерешительностью, которая была очень редкой для такого человека, как он. Без сомнения, тот прежний мэтр Правосудие удивился бы этому. Но не этот новый, который родился наутро после ужасающей, проведенной в горячке ночи. Его разум был таким именно с того времени, в то время как душа его была по-детски спокойна. Явная нерешительность де Тизана теперь оставила его равнодушным. Тот бросил на него неуверенный взгляд и наконец решился:

– Венель-младший... Чего вы на самом деле добивались в случае с де Фоссеем?

– Я... я не могу это выразить достаточно точно. Как объяснить, не рискуя уподобиться в ваших глазах романтической девице, помешанной на поэзии?

– Это лестное сравнение я никогда не рискнул бы применить к вам, хотя вы и слывете ценителем прекрасного, – шутливо заметил де Тизан.

Ардуин вздохнул.

– Внутри меня свирепствует жестокая борьба, мессир балли. Две исполинские силы противостоят друг с другом. Бог свидетель, я нисколько в этом не виноват. Я осуществляю правосудие – Божие и человеческое, – но являюсь ли я сам совершенно невинным? Я больше в этом не уверен. Я предпочел бы... я испытываю колебания... поведать вам весь бред той ночи, с риском, что вы увидите в этом лишь помутившийся рассудок затворника, – объявил палач, возвращая собеседнику отпущенную недавно колкость.

– Вы, без сомнения, преувеличиваете, – неохотно согласился помощник балли. – В ваших словах мне видится почти неприкрытая угроза. И я не привык, чтобы...

– ...вам противоречил кто-то из низкого сословия, где самым низшим, конечно, является мэтр Высокое Правосудие? – со злобной иронией продолжил Венель-младший, жестом останавливая возражения, которые готовы были сорваться с языка де Тизана. – Ради Бога, сеньор балли. С чего бы вам сердиться на этот признанный всеми обычай?

– И все же, чего вы добивались, мессир исполнитель? – настаивал собеседник таким строгим голосом, что палач спросил себя, не бродил ли и его разум в тех же краях.

– Это нечто вроде доверительного счета... Ни одно из существующих слов не представляется мне подходящим. Я не являюсь виновным, но в то же время и невинным тоже. Речь не идет о тех, кому я причинил страдания и смерть, в то время как они не были виновны в тех преступлениях, в которых их обвинили. Речь идет о тех созданиях... которым не следовало бы умирать... не знаю почему, я... нет, это невозможно объяснить. И все-таки у меня есть твердая уверенность относительно этого предмета. Чистые души, которые

Господь вовсе не требовал к себе, не желал, чтобы их преждевременно посылали к Нему. Прошу простить меня за эти бессвязные речи, но они дают представление о том, что творится у меня в голове. Я бы очень хотел обрести вновь свою невинность, хотя бы часть ее. Очиститься от всей этой душевной грязи, которая сейчас давит на меня.

– Мари де Сальвен?

– Она и другие. Я хочу выполнить все, что в моих силах. Вот в чем состоит мой долг, моя совесть и честь и, если хотите, спасение моей души.

Казалось, Арно де Тизан погрузился в очень давние воспоминания. Серая тень покрыла его щеки. Наконец помощник бальи заговорил сухим безжизненным голосом, не сводя взгляда с мэтра Правосудие:

– Помните ли вы о молодой Эванжелине Какет, которой едва исполнилось четырнадцать? Ее скорее можно было назвать толстой скотиной, чем юной девушкой. Ее назвали в честь паперти той церкви, где она была найдена еще младенцем.

Покопавшись в своей памяти, Ардуин отрицательно покачал головой.

– Вы подвергли ее пытке, и она очень быстро во всем призналась. Согласно законам и обычаям, касающимся женщин в таких случаях, ее предали смерти путем закапывания в землю.

– Сеньор бальи, я исполнил множество пыток и казней, через мои руки прошло множество человеческих созданий. Должно быть, та история была не особенно значительна, раз я не могу ее вспомнить.

– Ну конечно... Но, видите ли, я более чем уверен, что она была невинной во всех смыслах этого слова. Она была ленивой дурочкой и не понимала даже четверти того, что ей говорилось. Большая удача для обвинения и тем более для свидетелей, подтвердивших его слова из чистой любезности, в чем я более чем уверен.

Венель-младший снова попытался вспомнить, но безуспешно. Путь, который когда-то указал ему отец, включал в себя много чего в таком роде: забыть внешность, лица, имена, крики, мольбы. Поняв, что собеседник так и не сможет вспомнить, Тизан продолжал:

– Пять лет назад ее обвинили в жестоком убийстве своей хозяйки, Мюриетты Лафуа, жены чиновника – разбивателя соли^[70]. Девушка исполняла самую тяжелую и грязную работу на кухне в доме Лафуа, набожных и почтенных горожан. Такого мнения о них придерживались все их слуги и соседи. Хозяйка была зарублена топориком. Лицо Мюриетты Лафуа превратилось в сплошные кровавые лохмотья. Эвелину Какет нашли сидящей у ее тела; она что-то напевала, держа за руку свою покойную хозяйку. Ее руки и лицо были в крови. Окровавленный топорик был найден в зарослях шалфея в дюжине туазов от дома. Лафуа сжимала в руке серебряный медальон со Святой Девой. Если какой-нибудь бродяга зашел в дом, чтобы обокрасть его, столкнулся с хозяйкой и убил ее, он, конечно, забрал бы медальон, ведь он очень дорого стоит. К тому же решающим аргументом послужило то, что из дома ничего не было похищено. Когда вы, по распоряжению судей, стали пороть ее кнутом, она лишь жалобно поскуливала, что было истолковано как утвердительный ответ. Она ни слова не поняла из ваших вопросов. Тем лучше для нее; ее страдания были недолгими.

Тупое тяжелое лицо, покрытое каплями пота и слезами, слюнявый рот, растянутый в такой неуместной улыбке, предстали перед мысленным взором палача. Она улыбалась даже тогда, когда он мягко подтолкнул ее к яме, вырытой для того, чтобы ее похоронили там заживо.

– Теперь я начинаю ее вспоминать, но очень смутно, – произнес он.

– Она была невиновна, клянусь вам. А значит, убийство совершено кем-то другим.

– Что заставило вас прийти к такому выводу, сеньор бальи?

– Теперь моя очередь опасаться, что меня обвинят в дамской сентиментальности.

Да хотя бы то, что она беспрекословно растянулась в этой яме.

– Сентиментальность? Мне было достаточно взгляда женщины. Взгляда Мари де Сальвен.

Но помощник бальи, казалось, не слышал его. Он медленно закрыл глаза.

– Венель... Вот сейчас, в этот момент... у меня полная уверенность, что Господь смотрел на меня тогда глазами Эванжелины Какет, и смертельный холод леденит мои внутренности. Я знаю, Бог не хотел, чтобы она тогда ушла в его Царствие. Какое мне дело, что она была осуждена, как того требовали законы. Мы узурпировали волю Вседержителя! Странное дело, но я к этому уже привык, так же как к множеству других вещей до вашей... выходки по поводу де Фоссея, которая уже стала для меня одним из воспоминаний прошлого. А самые обескураживающие детали я спрятал в дальнем уголке своего разума.

– Обескураживающие? – чуть повысил голос Венель-младший, поднимаясь, чтобы снова наполнить стакан заместителя бальи.

– Ну конечно. Гарен Лафуа, безутешный вдовец, который навещал свои владения, находящиеся в добром лье от его дома, где произошло убийство, переехал из Мортаня в Ножан-ле-Ротру несколько месяцев спустя после ужасной кончины супруги. Почти все слуги последовал туда за ним. За исключением троих, в числе которых была молодая женщина. Все трое выступали свидетелями против Эванжелины.

– И что из этого?

– Слушайте дальше. Один из свидетелей купил себе лавку колбасника, другой – ферму неподалеку от Дансе. Что же касается юной особы, то она удачно вышла замуж за сына крупного маркиганта. Спрашивается, откуда она взяла деньги на приданое? Конечно, не с тех грошей, которые платил ей Гарен Лафуа, который вовсе не славился щедростью.

– Вы полагаете, что ей заплатили за некоторое свидетельство?

– Вроде того.

– И что же она тогда заявила?

– Девица поклялась на Евангелии, что молодая служанка ненавидела свою хозяйку Мюриетту Лафуа, жаловалась на нее и высказывала угрозы в ее адрес. Элуа Талон, чернорабочий, бывший солдат, а теперь наш добрый колбасник, поклялся, что сопровождал своего хозяина, когда тот отправился объезжать владения, и не отходил от него ни на шаг. Альфонс Фортен, третий мошенник – тот, который стал фермером, – свидетельствовал, что утром того дня, когда было совершено убийство, Эванжелина пришла к нему одолжить топорик, заявив, что ей нужно отрубить головы у карпов. Эта просьба его немного удивила, но он, разумеется, ничего такого не подумал.

– А другие слуги?

– Все это и определило ход процесса. Трое других слуг тогда находились в домашней прачечной. Еще двое на телеге отправились в лес, чтобы нарубить там дров. Таким образом, Мюриетта Лафуа оказалась дома одна с Эванжелиной. Некоторые слуги усмотрели в этом умысел обвиняемой, которая ждала удобного момента, чтобы беспрепятственно совершить свое ужасающее деяние. Даже если бы и захотела, она была совершенно не способна ни на какую хитрость и тем более расчетливость. Ей бы просто не хватило на это ума.

– Полагаю, слуги отправились исполнять работу по приказу хозяина?

– Ваше предположение совершенно верно, мессир Правосудие. Но история на этом не заканчивается. Через три месяца после убийства жены Гарен Лафуа снова женился на молоденькой и хорошенькой буржуазке из Мортаня. Последнее служит доказательством, что он был с ней знаком еще до переезда в Ножан-ле-Ротру.

– А он что-нибудь унаследовал от первой жены? – поинтересовался Ардуин.

– А вы как думаете! После ее кончины он унаследовал довольно приличное имущество. Кстати, сейчас у него народилось уже двое от второй жены.

– Обычная семейная история с очень скверным завершением, так? – подытожил палач.

– Если бы все, кому изменяют супруги, погибали таким образом, земля превратилась бы в безлюдную пустыню! – отрезал помощник бальи. – Обычная и довольно омерзительная история о страсти к наживе, о безнравственности и даже дикости.

– И все же это не доказательство, – возразил Ардуин.

– Верно. Тем не менее кто, даже имеющий больше власти, чем я, мог бы добиться таких доказательств?

– Разумеется. Но, мессир бальи, позвольте почтительно поинтересоваться у вас, почему вы именно сейчас решили вытащить эту историю на свет Божий? Насколько я понимаю, она давно лежит тяжким грузом у вас на сердце...

– Потому что я приспособился ко всем этим вещам, именно об этом я вам сегодня и говорил. Недавние события всколыхнули во мне воспоминания об этой старой истории. Может быть, я сам выискиваю себе оправдания, но мне кажется, что я жду некоего знака свыше. Что-то вроде императорского приказа, требующего, чтобы справедливость в отношении Эванжелины и Мюриетты была восстановлена.

– Какого знака?

– Вас. Этим знаком стали ваша горячность по поводу истории с де Фоссеем, ваши угрозы. Если отыщутся бесспорные доказательства виновности Гарена Лафуа, поможете ли вы мне?

– В чем?

– Прикончить его. Я бы очень хотел, чтобы он знал, почему и за какой непростительный грех он умирает.

– Вы хотите, чтобы я совершил убийство? Сеньор бальи! – воскликнул Ардуин. – Но ведь вы не из тех людей, кто падает в обморок при виде шпаги или боится всадить ее в сердце своего противника.

Тизан ответил ему с еле заметной улыбкой:

– Благодарю вас, сударь. Я рад, что наши взгляды на правосудие и справедливость во многом совпадают. Дело в том, что... речь вовсе не идет о мести, о ненависти или дуэли, которая является долгом чести. Речь идет исключительно о правосудии, ко всем законам относятся с должным почтением. Моя работа состоит в том числе и в том, чтобы арестовывать и судить, а ваша – чтобы исполнять приговор.

– Ваши слова совершенно справедливы. Но почему же вы просите моей помощи? Мы не друзья и даже не симпатизируем друг другу. К тому же Эванжелина Какет и Мюриетта Лафуа мне не родственницы, которых я должен защищать даже после того, как они сошли в могилу. Хотя мне бы очень хотелось, чтобы в отношении этих женщин восторжествовала справедливость.

– Как жаль, что вы даже богаче меня и вас невозможно подкупить, – заметил Арно

де Тизан. – Тогда, возможно, мы бы с вами сторговались... Что я могу вам предложить такого, от чего вы не сможете отказаться?

– Свою ответную помощь, что же еще? – улыбнулся мэтр Правосудие.

– То есть?

– Не думаю, чтобы вы благосклонно приняли мое предложение. Тем не менее прошу вас немного поразмышлять, прежде чем отказывать мне. То, что я хочу у вас попросить, – вовсе не предательство; это можно скорее назвать справедливостью. Отдать Богу то, что должно вернуться к нему... вернуть его созданиям возможность униженно просить у него прощения, что мы в своем высокомерии подменили собой его волю... Более того, все это останется между нами.

– Говорите же! – настойчиво повторил помощник бальи.

– Мне нужен доступ к записям судебных процессов. Я еще сам не знаю, каких.

– Ну вот еще! – воскликнул Арно де Тизан, резко поднимаясь на ноги. – Вы что, с ума сошли? Это же секретные записи, и к тому же они опечатаны.

Ардуин попросил его мягким и спокойным голосом:

– Прошу вас, присаживайтесь, сеньор бальи, и беспристрастно подумайте об этом еще раз. Если б вы не ознакомились с показаниями свидетелей против Эванжелины, ее бедная душа так и находилась бы в чистилище, ожидая отмены несправедливого приговора и христианского погребения. Тот же, кто виновен в смерти ее хозяйки, должен поплатиться за свое преступление. И двое этих несчастных наконец обретут покой.

– Но вы хотите, чтобы я совершил должностное преступление!

– Это всего лишь название, которое можно выворачивать по своему желанию в зависимости от того, чьи интересы защищаются, – заявил мэтр Правосудие Мортаня. – Должностное преступление, с помощью которого истина наконец воссияет, невиновные будут очищены от гнусных обвинений и пятно позора, которое легло на их семьи, будет наконец стерто. Что, по-вашему, лучше: сломать печать, преграждающую доступ к записям, или позволить, чтобы невиновные и дальше страдали? Что же касается самоубийц^[71], которые чаще всего оказываются жертвами преступления, разве не наш долг отдать их состояние семьям и восстановить их доброе имя в глазах церкви? Я вижу в этом лишь простое нарушение обычаев. Спросите же совета у своей души и своей совести.

Помощник бальи строго посмотрел на него и после нескольких мгновений напряженного молчания торжественно произнес:

– Хочу вам предложить кое-что получше. Восстановить справедливость в отношении покойников – это, безусловно, достойное занятие. Но спасти тех, кто еще жив, – вот долг сердца и чести.

Ардуин Венель-младший ожидал продолжения, не понимая, куда клонит Тизан. И продолжение не замедлило последовать.

– А теперь вернемся в Ножан-ле-Ротру. Начиная с какого-то времени там происходят жестокие убийства детей, причем обоего пола. Уличные дети из тех, кого за монету можно нанять поднести корзину или сбегать в лавку. Я знаком с бальи этого края, Ги де Тре; он в полном отчаянии от того, что не в силах прекратить эту ужасную историю. Два или три дня дети бесследно исчезали, а затем не то на улице, не то возле какого-то дома были обнаружены их тела. Дети были замучены до смерти самым бесчеловечным образом. Следствие затрудняло то, что показания свидетелей были неясными и расплывчатыми. Родители пропавших детей не особенно ими занимались, предоставляя тем пробавляться

случайными заработками^[72].

– Но я же не являюсь бальи или кем-то из его лейтенантов. Я не провожу расследование.

– А разве не вы проделали эту работу, чтобы разоблачить Фоссея? Разве не вы разыскали этого фермера Жермена и заставили его явиться ко мне и поведать все, что он знает? – парировал Арно де Тизан.

– Это вы правильно подметили, – согласился Ардуин. – Но прошу вас, рассказывайте дальше.

– Мне известно лишь то, что рассказывал Ги де Тре; он говорил обо всем на редкость туманно, за исключением того, что в судебном разбирательстве была допущена серьезная, роковая ошибка. Попрошайка, некий Бастьен Моллар, поплатился за то, чего не совершал. Такие тунеядцы обычно переходят из города в город, из прихода в приход. Проходит всего несколько недель, и все начинают понимать, с кем имеют дело, и больше не верят в их сетования на горькую судьбу. Этот же только недавно прибыл в Ножан и не собирался оставаться там надолго, так как вместо милостыни его осыпали бранью. Его образ жизни послужил одной из причин, по которой он был арестован людьми бальи... На вашем лице я читаю уверенность, будто я нарочно перегружаю свой рассказ малосущественными деталями.

Ответом была улыбка, выражающая вежливое согласие.

– Прошу меня простить, – продолжил Тизан. – Мне бы следовало рассказывать все по порядку, чтобы убедить вас. Тем не менее я хочу позволить себе сделать одно признание и прошу вас, чтобы оно осталось между нами.

– Даю слово, сеньор бальи.

Арно де Тизан покрутил в пальцах пирожок с мясом, пристально глядя на него и будто задаваясь вопросом, насколько он вкусен. Положив его назад на блюдо, он заявил:

– По моему глубокому убеждению, Ги де Тре, не обладающий серьезным характером, так и не простил себе того легкомыслия, с которым отнесся к этому делу. Без сомнения, его внимания требовали более срочные дела, поэтому он и передал бразды правления одному из своих лейтенантов. Тот же быстренько закруглился, с самого начала поведя расследование по неверному пути. Под пыткой попрошайка признался в гнусных насилиях и кровавых убийствах, совершенных над этими детьми, и сразу же после этого был повешен.

– Какие следы привели именно к этому человеку?

– Его опознала одна торговка, когда утром открывала ставни. Накануне Моллар оскорбил ее у церковных дверей, когда женщина отказала ему в мелкой монетке. По словам этой торговки, побродяжка стоял на коленях возле того, что ей сперва показалось кучей одежды. Подняв голову, он заметил открытое окно и удрал. После этого она заметила, что из кучи тряпья торчит голая детская ножка. Муж свидетельницы спустился на улицу и обнаружил страшно изуродованное тело ребенка.

– Что сказал обвиняемый в свое оправдание?

– Что он просто проходил по улице, когда еще только светало. Издалека он заметил кучу тряпок и решил, что кто-то выбросил старье. Для него это была бы хорошая пожива. Приблизившись, он увидел, что перед ним мертвый ребенок. Думаю, будет излишним упоминать, что его пьянство и мелкое жульничество не сослужили обвиняемому хорошую службу.

– Значит, вы не считаете, что Бастьен Моллар виновен в этих преступлениях?

– Я в этом абсолютно убежден. Мой первый аргумент появился, когда я ознакомился

с картиной преступления. Бессмысленное жестокое убийство, совершенное ради удовольствия, причем над слабыми существами. Его было легче легкого свалить на нищего пьяницу, мозг которого постоянно одурманен винными парами. Этот мог бы убить от испуга, в пьяной драке; наконец, чтобы ограбить свою жертву, – и в любом случае удрал бы как можно скорее. Здесь же у меня не возникло впечатления, что убийство совершено кем-то неразумным, настолько хитро и расчетливо были нанесены эти ужасные раны. Насколько я понял, убийца детей прекрасно умел ладить с ними. К тому же он нападал только на маленьких беспризорников, прекрасно зная, что их никто не будет искать. Судебное разбирательство избрало самый легкий путь... Но каким идиотом надо быть, чтобы притащить окровавленные останки своей жертвы в город ранним утром, да еще на торговую улицу, где все просыпаются очень рано? Я не поверил в эти обвинения. Любой на его месте сделал бы это ночью, когда обитатели улицы спят за закрытыми ставнями.

– Все это разумно и очень убедительно. Однако я чувствую, что главная причина ваших сомнений в чем-то другом, – заметил Ардуин.

– Попрошайка появился в Ножане за два или три месяца до своего ареста. Однако дети начали пропадать двумя годами раньше.

– Разве это не удивило первого лейтенанта бальи Ножан-ле-Ротру?

– Ни капли. Бесплезно вам говорить, что в некоторых кварталах города по-прежнему беспокойно. Людей Ги де Тре осыпают упреками в бездействии и неумении. Без сомнения, вышеупомянутый лейтенант подумал, что если найти виновника, неважно, настоящего или нет, волнения хоть немного успокоятся. Как видите, это ни к чему хорошему не привело. Попрошайка был подвергнут пытке и повешен. Месяцем позже в одном из поселков была найдена маленькая девочка. Умерщвленная тем же кошмарным способом.

– Черт возьми!

– Недовольство населения уже переходит за опасную черту. Женщины открыто бранят и оскорбляют людей Ги де Тре. Дело дошло до того, что жители собираются отправить послание самому Жану II Бретонскому, а может быть, даже уже послали. По моим сведениям, в письме особое внимание уделяется недобросовестности Ги де Тре и его людей, особенно первого лейтенанта.

– Не думаю, чтобы мессира Бретонского заинтересовали эти преступные дела, потрясающие одно из его отдаленных владений, – заметил Ардуин.

– Он слишком занят в другом месте, – согласился бальи.

Венель-младший начал подчеркнуто незаинтересованным тоном:

– Перейдем к очевидному. Когда был повешен попрошайка?

– Примерно полгода назад.

– Убийство девочки произошло три или два месяца назад. А другие потом были?

– Не знаю; во всяком случае, мне не приходилось об этом слышать. Я встречался с бальи Ножан-ле-Ротру летом, перед самым днем Святого Якова^[73]. Девочку нашли как раз за две недели до него^[74].

– Сколько детей было убито таким же способом... ну хотя бы за год?

– Одиннадцать, не считая той девочки. Ну и, разумеется, тела некоторых детей так и не были обнаружены.

– Смерть Христова!^[75]

Помощник бальи принялся путаться, с трудом подбирая слова, и мэтр Правосудие почувствовал, что тот крайне смущен.

– Я... Я удержусь от такого... радикального уточнения, но мне кажется, что... что я ошибался. Я не знаю... По приказу Ги де Тре некий Антуан Мешод с помощью присяжной матроны^[76] исследовал найденные тела. Все дети подверглись жестокому насилию, причем над мальчиками надругались противоестественным способом, после чего все они были кастрированы.

– Проклятье! Гореть ему в аду! – на одном дыхании выкрикнул Ардуин.

* * *

До этого момента вся история была ему довольно безразлична и очень далека. Он только и ждал, что удобного момента обратиться к де Тизану с какой-нибудь просьбой. Странное дело, палач, подвергший мучениям, убивший и лишивший мужественности стольких человек по приказу суда, не мог выносить и мысли о том, чтобы кто-то делал это ради удовольствия. То, что кто-то мог наслаждаться страданиями и стонами маленьких невинных детей, повергало его в ужасный гнев. Во всяком случае, осторожность, которой он решил придерживаться в разговоре с заместителем бальи, тонкая хитрая политика, чтобы добиться от него желаемого, – все это уступало необходимости раскрыть ужасное жестокое преступление.

Ардуин еще колебался, перед тем как задать вопрос, который буквально жег ему губы. Не сочтет ли помощник бальи это за дерзость? Даже если они так сердечно беседовали, исполнитель ни на мгновение не забывал, что в глазах всех Арно де Тизан всегда останется благородным господином, в то время как к нему, Ардуину, будут относиться как к болотной грязи. Сеньор бальи обращается к нему с такой вежливостью лишь потому, что палач по сути дела является узаконенным убийцей. Ну и, может быть, существует еще одна причина такого доверительного разговора. В конце концов, почему бы не позволить себе небольшую дерзость, раз уж в кои-то веки такая возможность у него появилась!

– Сеньор бальи, со всем моим почтением, я понимаю ваш интерес к этому Гарену Лафуа, потому что это убийство совершено в вашем судебном округе. Но какая вам забота до Ножан-ле-Ротру, попрошайки и несчастных маленьких жертв убийства? Дети ведь мрут легионами.

Ардуин заметил, каких усилий стоит Тизану сохранить невозмутимый вид. Взгляд его глаз орехового цвета заметно помрачнел, и палач, который столько знал о недрах человеческих душ, чистых и нечистых, понял, что тот собирается ему солгать или, во всяком случае, сказать полуправду.

– Я снова вынужден просить вас дать мне слово сохранить все в секрете.

– Я еще раз даю вам его. Клянусь честью. Да падет на меня вечный позор, если...

Слова Ардуина были прерваны стуком в дверь. Бернадина просунула голову в комнату и спросила:

– Хозяин, достаточно ли напитка? А может быть, подать еще пирожков?

– Все хорошо, благодарю.

Она покачала головой, прежде чем со стуком хлопнула за собой дверь. Ардуин воспользовался паузой, чтобы еще раз наполнить их стаканы, а затем снова уселся перед помощником бальи и спросил:

– Так какую тайну вы мне собирались доверить?

После некоторых колебаний Арно де Тизан произнес:

– Вот в чем препятствие! Я вам уже говорил: я верю Ги де Тре, он благородный человек, приятный в общении. Он из Ренна, принадлежит к старому бретонскому дворянству, очень образован, так же, как вы, страстно увлечен искусством, поэзией и литературой. Думаю, что должность бальи небольшого владения, далеко от всех крупных городов, подходит ему как корове седло. И более чем уверен, что это отвратительное дело с убийствами вызвало у него такое сильное отвращение, что он постарался от него отделаться.

– И откуда же у него такое отсутствие усердия?

– Черт побери, я-то почему знаю, откуда! Скорее всего, от непонимания. К тому же он еще молод – думаю, ваш ровесник, женатый на славной женщине, которая недавно подарила ему сына... Видите ли, он был бы более на месте при дворе какого-нибудь сеньора. Тем более что ему приписывают еще и выдающиеся умственные способности.

Ардуин настаивал, старясь, чтобы его слова звучали как можно мягче:

– Хм... И все же это не ответ на мой вопрос, сеньор бальи. Какая вам до всего этого забота? Ведь это не наш судебный округ, не наше графство и даже владения не нашего сюзерена, его высочества Карла де Валуа, отношения которого с Жаном II Бретонским при всем желании не назовешь мирными и спокойными.

– Вы хотели сказать «воинственные»!..^[77] Ну да, та самая старая история, которая тянется с замужества молодой Изабеллы де Валуа^[78], – сказал Тизан, еле заметно пожимая плечами. – Ги де Тре не выразился достаточно четко, но у меня такое впечатление... если бы вы поинтересовались моим мнением, я бы сказал, что он весьма намерен позвать меня на помощь. Венель, за тридцать лет я велел арестовать, судить и отправить к праотцам много отпетых преступников. И в этих тошнотворных делах я обладаю поистине огромным опытом.

– Охотно признаю, я сам много раз был тому свидетелем, – согласился Ардуин самым искренним тоном. – Что греха таить, должно быть, я недостаточно проницателен, так как до сегодняшнего дня не понял, что вы с монсеньором де Тре связаны узами дружбы.

Тизан не попался на эту удочку. Венель-младший, чья изворотливость не была для него неожиданной, подстроил для него ловушку с такой ловкостью и кажущейся простотой. Помощник бальи глубоко вздохнул, подавляя поднимающееся внутри раздражение. Еще чего! Он что, теперь должен оправдываться перед каким-то палачом? Ответ напрашивался сам собой. Но, с другой стороны, ему не обойтись без помощи Ардуина. Одурачить его или заманить какими-то посулами представлялось еще менее вероятным, чем заставить. Такие честные и принципиальные хуже всякой чумы, особенно если они к тому же умны и удачливы. Он ответил резким, почти что повелительным тоном:

– Венель, да вы просто как колючка в сапоге!

– Поверьте, я сам об этом сожалею.

– Ладно! Итак, вы настаиваете на том, чтобы узнать правду относительно моего... интереса к Ги де Тре?

– Правда близка мне так же, как перчатка прекрасной выделки, – не удержался от шутки палач.

– Но вы же понимаете, что все далеко не так просто...

– Хм... Могущество мессира де Тре равносильно вашему, – заметил Ардуин. – Но в том, что касается помощи в расследовании непростых дел, отсутствие опыта, которое вы неоднократно подчеркивали, вряд ли делает его наилучшим союзником. Да и что от такого можно ожидать?

– Венель, Венель, и почему мне не пришло в голову, что проще будет связаться с каким-нибудь тупицей, чем с вами?

– А разве тупица сможет помочь в вашей затее?

– Укол засчитан... На самом деле могущество де Тре на тех землях не больше моего. По правде говоря, эти земли меня порядком утомили. Как бы мне хотелось сменить крохотный округ на что-нибудь более блестящее! Мелкие дворянчики, буржуа и торговцы... Важные сеньоры там, в Лувре, даже и не вспоминают о нас, пока не наступает время собирать подати. Как я вам уже говорил, де Тре из Ренна, из высокородной дворянской семьи. Великолепный ключ, чтобы открыть многие двери, если, конечно, он будет мне чем-то обязанным.

Ардуин пристально разглядывал сидящего перед ним человека, его изможденное лицо, которое пересекали глубокие морщины, карие глаза, которые порой становились такими неподвижными. Его собеседник был хитрым проницательным человеком, знатоком всевозможных законов и обычаев. Неужели этот мелкий деревенский дворянин надеется, что рекомендация Ги де Тре сможет открыть ему путь к титулу барона? Конечно же, нет, если он не сошел с ума. У мессира де Тизана были какие-то свои далеко идущие планы. Однако мэтр Правосудие Мортаня знал, что вряд ли он когда-нибудь узнает об этом всю правду. Он решил прекратить эту беседу, которая его уже порядком утомила. В конце концов, какое ему дело до всей этой суеты высокородных особ и тех, кто стоит еще выше их?

– Теперь я все понимаю гораздо лучше, – солгал он. – Мы как-нибудь вернемся к этому разговору. Но чего ради я должен помогать вам?

– Разве спасение детей не кажется вам похвальным? – возразил бальи голосом, полным негодования.

– Ради Бога, мессир! Вы только что говорили, что считаете меня умным человеком. Убийства детей начались более двух лет назад, и никто этим не занимался, пока недовольство жителей Ножан-ле-Ротру едва не переросло в бунт. К тому же эти дети вряд ли сделают более легким груз, который тяготит мою душу и отравляет мне сегодняшний день. Но это не мои призраки, не те несправедливо осужденные на смерть, которых я лишил жизни. Вы желаете моего участия в деле Эванжелины Какет и Мюриетты Лафуа. Это ваши мертвецы. Переживайте из-за них так же, как я переживаю из-за своих мертвецов.

Помощник бальи испустил короткий яростный вздох.

– Вижу, вы так и не уступите... Какие документы вам нужны? Какие процессы, проходившие в прекрасном городе Мортань-о-Перш, вас интересуют? Если я дам вам возможность с ними ознакомиться, тогда вы мне поможете?

– Да, конечно, если вы предоставите их мне, когда придет время и какое-то из старых дел отравит мне ночной покой и потребует, чтобы я вытащил его на свет. Об этом чуть позже. Сейчас я полностью удовлетворен своим нынешним счастьем. Справедливость в отношении Мари де Сальвен восстановлена. А что касается вашего срочного дела, если я заполучу бесспорное доказательство, что Гарен Лафуа ухлопал свою первую жену и оговорил несчастную дурочку, я поступлю с этой гнусной душонкой согласно вашему приговору. Я согласен отправиться в Ножан-ле-Ротру, чтобы помочь мессиру Ги де Тре в его расследовании, касающемся убийств детей. Услуга за услугу!

Помощник бальи поднялся и резко кивнул головой в знак прощания.

– Ну что же, мэтр Высокое Правосудие. Думаю, вы поняли, что бальи Ножан-ле-Ротру находится в затруднительном положении. Полагаю, что будет желательно помочь ему

как можно скорее. И вот еще что: я ему ничего о вас не говорил; мысль о вашем участии сама собой возникла у меня в голове.

– Значит, я превратился в дознавателя – упорного, но невидимого?

– По моей милости. Итак, до встречи, Венель-младший. До очень скорой встречи.

Лес у города Беллем, сентябрь 1305 года

Арно де Тизан заранее спешился и устроился под деревом в нетерпеливом ожидании. Ему было запрещено обмениваться посланиями или воспользоваться для этого чьими-то услугами. Тем не менее он согласился на эту встречу, не сомневаясь, что она станет первой из длинной череды подобных.

Столько лет он бродил в мирах, полных полуправды, уловок, компромиссов с жалкой добродетелью; короче говоря, так называемых политических хитростей, единственной скрытой движущей силой которых было угодить горстке людей в ущерб всем остальным... Не это ли всегда окружало его? Не в этом ли он всегда будет пребывать? Чего ради смущаться этим, если ничего не можешь изменить? С его стороны это не было малодушием, а скорее некоей разновидностью цинизма, который де Тизан специально развил в себе, чтобы защищаться от крушения иллюзий, загасить порывы гнева на мир, который повернулся против него.

Безусловно, он был человеком порядочным и вовсе нелишенным рассудительности, так как считал делом чести не проявлять слепое упрямство, а сохранять проницательность и ясность ума. Тизан всегда старался достойно вести себя в ситуациях, которые не имели касательства к его судебным обязанностям или его авторитету, и тем более в делах вроде того, в которое он был сейчас замешан.

Легкий шелест, раздавшийся неподалеку, оторвал его от унылых дум. Де Тизан встал на ноги и церемонно поприветствовал всадника, который спрыгнул со своего коня.

– Мессир старший бальи шпаги.

Аделин д'Эстревер в ответ вежливо кивнул. Как и всякий раз во время их редких встреч, Арно де Тизан ощутил какое-то неясное недомогание. Непреклонность, которая ясно читалась на лице его собеседника, напоминаящем лезвие ножа, в светлых, почти белых глазах старшего бальи, вовсе не располагала ни к сердечности, ни к доверию. Тизан подумал, что он почти ничего не знает об этом человеке, достаточно могущественном, чтобы в один прекрасный день сместить его, будто прислужника в своем доме. Мир д'Эстревера ограничивался службой королю – своему единственному господину. Господину, который, без сомнения, знал только то, о чем ему докладывали господин Гийом де Ногарэ, самый влиятельный советник сюзерена, или монсеньор де Валуа.

– В чем дело, Тизан?

– Моя миссия вовсе не легка, мессир, – начал было помощник бальи, но его прервали тоном, не допускающим возражений:

– Так что вам от меня нужно?

– Истины. Полагаю, что уже нашел... невольного статиста, который поможет мне все же добиться правды.

– Сколько он хочет? Деньги сейчас не имеют значения.

– К моему великому сожалению, это достаточно богатый человек, и его невозможно купить – во всяком случае, за деньги, как бы велика ни была сумма вознаграждения.

– Сумасшедший! Только всяких чудаков нам не хватало... И что же ему надо?

– Правды.

Аделин д'Эстревер уставился на собеседника, как будто тот сказал какую-то

невероятную глупость.

– Правды? Как она, однако, привлекательна! – произнес он голосом, полным иронии. – Он что, только ею и живет? Чистотою истины, которую воспевают и воспевают? И о чем он хочет правды?

– О делах, помещенных в архив. Он требует записи со старых процессов, чтобы что-то по ним выяснить.

– Там речь идет о... важных персонах?

– Насколько я понимаю, нет.

– А, другие! – заметил мессир д'Эстревер презрительным тоном. – Дайте вы ему эту бутылочку с соской, чтобы не плакал. Это нам ничего не будет стоить.

– И вы хотите сделать меня взломщиком печатей, мессир, – подвел итог де Тизан.

– Ничто не дается нам без труда, мой друг, – произнес старший бальи шпаги, давая понять нетерпеливым жестом, что возражения тут бесполезны. – И кто же этот ваш любитель истины? – насмешливо поинтересовался он.

– Мессир Правосудие Мортаня.

– Боже праведный! Ваш палач! Надеюсь, речь не идет о тупой скотине, у которого мозгов не больше, чем у курицы... Нам нужно продвигаться вперед с большой осторожностью. Не забывайте, кому мы служим...

– Монсеньору Карлу де Валуа, – закончил фразу Арно де Тизан.

– И это имя лучше не произносить всуе. Кто говорит о монсеньоре де Валуа, имеет в виду короля собственной персоной. Вам известно, с какой нежностью его величество относится к своему единственному брату.

– Ну разумеется. Со всем моим почтением, которое я должен испытывать к такой высокородной персоне и к вам, признаюсь, что интересы монсеньора де Валуа для меня в этом деле далеко не главное, поскольку его дочь тринадцати лет от роду уже пять лет как замужем за внуком Жана II Бретонского, которому принадлежит владение Ножан-ле-Ротру.

– Мы что, снова будем это обсуждать? – уронил старший бальи шпаги, метнув в собеседника презрительный взгляд. – Речь идет об интересах Екатерины де Куртенэ, обладающей правами императрицы Константинополя^[79] и второй супруги монсеньора Карла. Лучшей подругой мадам де Куртенэ является не кто иной, как матушка-аббатисса из Клерет.

– Мадам Констанс де Госбер?

– Она самая. Исключительное благородство, репутация настоящей святой... Но для нас важнее всего, что она – ближайшая подруга супруги мессира де Валуа, о котором я вам уже говорил. Мадам де Госбер послала два срочных письма для мадам де Куртенэ, описав все ужасы, которые случились здесь с маленькими босяками. В довольно суровых выражениях она подчеркнула некомпетентность бальи Ножан-ле-Ротру, Ги де Тре. К этому она присовокупила намек на его... как бы сказать... безразличие в этом деле. Так сказать, за отсутствием более точного определения.

– Его безразличие? Неужели мадам де Госбер подозревает, что Ги де Тре может оказаться замешан в этих чудовищных злодеяниях?

Аделин д'Эстревер бросил на него взгляд, лишенный всякого выражения, и закончил:

– Не настолько, но, согласитесь, его небрежность способна привести в замешательство. К тому же Ножан-ле-Ротру – это вам не Париж! Чтобы схватить за шиворот убийцу подобного рода, здесь должно потребоваться гораздо меньше времени.

– Полагаете, что мессир де Тре покрывал кого-то, пользующегося его милостью, кого-то, кто отличается скверными наклонностями?

– По правде говоря, не знаю. Во всяком случае, иногда такие подозрения меня посещают. Именно по этой причине мне и понадобилась ваша помощь конфиденциального характера. Как бы то ни было, наша дражайшая аббатиса не знакома лично с монсеньором Жаном, герцогом Бретонским, в чьих владениях находится Ножан-ле-Ротру. Поэтому она обратилась к самому могущественному из своих знакомых, чтобы наконец прекратить эти возмутительные и кощунственные преступления.

– И монсеньор де Валуа, желая понравиться даме...

– ...доверил это дело мне. Его уверенность, что я смогу его расследовать, наполняет меня гордостью. Тем не менее монсеньор де Валуа сознает, что Ножан-ле-Ротру не входит в его удел, и очень не хотел бы вызвать гнев монсеньора Бретонского, родственника своего зятя, с которым он наконец достиг мира. Поэтому он категорически настаивал на особой деликатности, тем более что мне придется проявить своего рода двоедушие. Речь идет о том, чтобы оказывать помощь, оставаясь как можно более незаметным.

– Бесспорно, самым лучшим будет, если мы представим настоящего виновника, жаренного на вертеле, пред светлые очи Ги де Тре в надежде, что тот не позволит ему удрать. А он кажется вполне способным на такое из-за своей неловкости или даже худшего. Вы уверены, что этот ваш душегуб из Мортаня окажется на такое способен?

– Если он согласится помогать мне, я буду готов побиться об заклад.

– Если он согласится? – повторил Аделин д'Эстревер. – Будет лучше сказать: если он не совершит большой ошибки, ответив отказом, – добавил старший бальи шпаги, надменно кривя губы.

– Палача не заставишь, когда он очень богат и к тому же очень образован, – прошептал Тизан, который теперь гораздо лучше понимал, каковы ставки в этой игре.

Он не чувствовал никакой симпатии к д'Эстреверу и к ему подобным созданиям, настолько наполненным уверенностью, что, казалось, их никогда не грызли и не тревожили никакие сомнения. Д'Эстревер принадлежал к той разновидности чиновников, которые способны по приказу не моргнув глазом истребить целую деревню, причем даже не испросивши подтверждения приказа.

– До очень скорой встречи, Тизан. Место то же самое. Число я потом уточню.

Старший бальи снова уселся в седло и, коротко отсалютовав, пустил лошадь в галоп.

* * *

В полной задумчивости Арно де Тизан последовал его примеру. Как отреагирует Венель-младший, если поймет всю двусмысленность ситуации? Без сомнения, ему это очень не понравится.

Когда мэтр Высокое Правосудие явился к нему требовать жизнь Жака де Фоссея и восстановления поруганной чести Мари де Сальвен, Тизан как раз уже несколько дней как отбивался от требований Аделина д'Эстревера, не зная, как ему поступить. Этот замысел пустил ростки в голове заместителя бальи во время той первой дискуссии, когда он почувствовал, что ничто на свете не заставит отступить Венеля-младшего, находящегося во власти сильнейших переживаний и яростной жажды справедливости. Арно де Тизан

решил немедленно удовлетворить просьбу своего палача и предоставить ему голову Жака де Фоссея, чтобы потом можно было испросить своего рода должок. Судьба Эванжелины Какет, которую он затем упомянул, послужила всего лишь предлогом. Правда, та история не оставила заместителя бальи равнодушным; перечитывая записи с процесса, он окончательно удостоверился, что несчастная девушка вовсе не убивала свою хозяйку. Тем не менее, если б месье Гарен Лафуа не наострил лыжи из Ножан-ле-Ротру, Арно де Тизану и в голову не пришло бы посмотреть под новым углом зрения на это старое дело. Между тем он должен был настоять, чтобы мэтр Правосудие Мортаня вернулся в этот город. Помощник бальи очень надеялся, что убийство маленьких нищих затронет его до глубины души.

Ножан-ле-Ротру не входил в его судебный округ, и Гарен Лафуа представлял собой вполне допустимый предлог, чтобы отправить туда мэтра Высокое Правосудие. Не особенно честный маневр, который Тизан вовсе не считал достойным гордости, но все-таки помощник бальи быстро почувствовал, что этот странный договор с палачом убедил того оказать ему поистине драгоценную помощь. Чувства – единственная слабость сильных людей. Прекрасная слабость и в то же время очень опасная.

Объяснения д'Эстревера лишь наполовину убедили Арно де Тизана. Для чего столько секретов? Если бы монсеньор де Валуа пожелал понравиться своей даме Екатерине де Куртенэ, желающей успокоить лучшую подругу мадам де Госбер, матушку-аббатиссу, почему не двинуться к цели открыто? Зачем что-то делать Карлу де Валуа, брату короля, с Ги де Тре, заместителем бальи крохотного округа Ножан? И что ему даже до возможного недовольства Жана II Бретонского, который одобрил смещение де Тре, хотя тот на этой должности устраивает короля Франции? Решительно, от этого дела так и несло жареным. Ставки в этой игре были гораздо более весомыми, чем уличные голодранцы, ставшие жертвой неведомого убийцы. И кого здесь расспрашивать, кем возмущаться, у кого требовать отчета? Его единственное категорическое требование состояло в том, чтобы защищаться. Если все это дело скиснет, он сможет выкрутиться, свалив все на Венеля-младшего.

По правде говоря, палач обладал необходимыми качествами, чтобы поневоле выполнить сложную миссию, которую д'Эстревер взвалил на Тизана. Чудесный экземпляр сильного человека – обворожительный, воспитанный, поразительно смысленый и к тому же никого не боится. Никто не знает его в лицо ни в Ножане, ни в окрестностях. Если б такой человек счел нужным убить, то не колебался бы ни секунды. Наконец, его не могли затронуть никакие земные блага, никакая слава. Настоящий ангел-истребитель.

И наконец, если чья-нибудь голова и должна будет скатиться в корзину с опилками, чтобы утихомирить недовольство кого-то из высших, пускай лучше это будет голова палача!

*Окрестности Мортань-о-Пери,
октябрь 1305 года*

Когда Ардуин Венель-младший вернулся со своей утренней верховой прогулки на любимом жеребце Фрингане, Бернадина сообщила ему, что гонец только что принес свернутый в трубочку пакет с печатью заместителя баляи мессира де Тизана.

– Я положила этот пакет на кухонном столе, – добавила она. – Может быть, я подам вам кубок настойки, прежде чем уйду? Я должна выяснить отношения с торговцем рыбой, я все ему выскажу прямо в глаза! Настоящая подошва – вот что он мне вчера продал! Конечно, это совсем небольшая камбала, и не первой свежести; но эта дурища Сидони, которую вы со своим великодушием и скромным количеством здравого смысла изволили нанять – она же голову с задницей спутает!

* * *

Бернадина была крайне недовольна, что ее молодой хозяин предоставил жилье, еду и службу этой бедной бесхитростной сиротке. Юная тринадцатилетняя девушка растрогала его, когда кусала себе губы, топчась у центрального портика церкви Сен-Дени в Мортане с грязными босыми ногами и нечесаными волосами, прижав руки к груди. Раздраженно оттолкнув попрошайку, который тянул к нему свою загребущую лапу, выпрашивая милостыню, Ардуин Венель-младший приблизился к ней, испуганно потупившей взгляд.

– Что ты здесь делаешь? Ночь сейчас наступит.

– Я... это... попрошайничаю, – ответила та дрожащим голосом.

– Скрестив руки на груди? Тогда тебе лучше протянуть хотя бы одну.

– Я еще не умею этого делать, я вообще здесь в первый раз...

Наконец она подняла глаза на него. Ардуин смог разглядеть блестящие полосы от слез на худых впалых щеках. Сам толком не понимая, что побудило его это сделать, он присел рядом с нею. Для него это было более чем странным поступком, так как чаще всего нищие не вызывали у него ничего, кроме раздражения.

– Рассказывай.

– Что?

– Что тебя привело сюда.

– Я не разговариваю с незнакомыми, – возмутилась странная нищенка.

– Если ты хочешь собрать хотя бы несколько монет, тебе нужно научиться хныкать, улыбаться, благодарить, – заметил Ардуин, которого все это начало забавлять. – Ну же, рассказывай.

Сидони пересказала свою короткую жизнь таким невыразительным голосом, что Ардуин был совершенно уверен, что она не лжет. И потом, вся эта история была настолько обыкновенной, что девчушка и сама ей не удивлялась. Ардуин даже был вынужден подсказывать ей слова, которые все время ускользали от нее. Когда Сидони родилась, ее матери было всего четырнадцать, и она даже не знала, кто ее обрюхатил. Будучи

хорошенькой девушкой, обожающей сиюминутные и простые удовольствия, она переходила из постели в постель, из таверны в таверну, выручая по несколько су, которые позволяли ей как-то перебиваться, живя в жалкой лачуге. По крайней мере, пока она еще сохраняла ясность рассудка, чтобы возвращаться туда. Сидони вносила свою лепту в их нищенское хозяйство, промышляя мелкими кражами то тут, то там.

– Я брала только еду и ничего другого, к тому же я никогда не крада у бедных! – подчеркнула она, особенно настаивая на своей порядочности, своего рода чести нищего.

Так продолжалось до тех пор, пока три недели назад ее мать не нашли утонувшей в ручье, протекавшем неподалеку от развалин, в которых они обитали. На виске мертвой виднелся след от сильного удара. Может быть, кто-то ударил ее и столкнул в реку? А может быть, дело в том, что она была постоянно пьяной и нетвердо стояла на ногах? Может быть, она ступила на скользкий обрыв, ударившись и потеряв сознание, захлебнулась? Никто не знал, что произошло на самом деле, и все только смеялись над нею. Так как Сидони не могла оплатить ни гроб, ни заупокойную службу, для ее матери только и оставалось, что погребение в общей могиле – обычная участь всех, у кого ни гроша за душой.

Странное дело, не испытывая особенной любви к женщине, у которой пьянки чередовались с утренними страданиями, переходившей от одного мужчины к другому, Сидони решила, что подобный конец будет уж слишком большой несправедливостью. Она выкопала могилу в нескольких туазах от их убогой хижины и ночью похоронила свою мать.

– Я молилась, а еще смочила полотенце святой водой и обернула вокруг ее шеи, чтобы Господь смог ее узнать. Я не знаю латыни, но, думаю, Богу это безразлично.

Несколькими днями позже явился фермер, которому принадлежала эта земля. Он потрясал какой-то бумагой, из которой Сидони ровным счетом ничего не поняла, ведь она не умела читать. Он внимательно разглядывал девушку – не особенно симпатичную, худую и широкую в кости, еще менее привлекательную, чем ее мать, прелестями которой он пользовался время от времени в обмен на скарденное «гостеприимство». Эта же не воодушевляла даже на такие развлечения. Он дал ей время, чтобы собрать манатки и покинуть это место. В самом деле, лачуга была построена на его земле и также принадлежала ему. Если б Сидони начала с ним заигрывать, он поступил бы с ней по-другому и, возможно, даже разрешил бы ей остаться, пока не пресытится ею. Впрочем, ей это тоже было прекрасно известно.

Заканчивая свою историю, Сидони так и стояла, не выказывая никакого страха, устремив взгляд куда-то вдаль. Она не ждала никаких замечаний, никаких слов утешения от этого воспитанного, роскошно одетого человека, сидящего рядом с ней. Она просто удивлялась, что он с нею разговаривает.

Ардуин не знал, откуда взялись слова, которые как будто сами собой вылетели из его рта:

– Ты хорошая работница? Я могу быть уверен, что ты не будешь воровать в доме?

– Я брала только еду, – сухо повторила она. – Что же касается работы, то я прачка с шести лет – по крайней мере, когда мне случается подработать.

– Хорошо. Следуй за мною. Думаю, для тебя найдется кое-какая работа.

– А мне, мессир, а мне? – принялся канючить нищий, которого он оттолкнул перед тем, как заговорить с девушкой. – Посмотрите... мои бедные руки, мои пальцы... ужасная болезнь поразила меня в Святой земле, где я защищал Гроб Господень...

Мужчина со смышленным и расчетливым взглядом протянул к нему руки, задирая рукава. Его кожа была сплошь покрыта гнойными волдырями.

– Поработать хочешь? – иронично осведомился Ардуин.

– О, мессир, мне этого хотелось бы больше всего на свете... но эта ужасная болезнь, которая меня поразила, когда я сражался во славу нашего Спасителя... у меня слабость во всем теле... Я чувствую себя слабее древней старухи...

– А еще ты бездельник и соня! Что же касается твоей кожной болезни, то перестань натирать руки соком ангелика^[80] или волчьего лыка^[81], и она сразу пройдет. Дай мне пройти, любезный, ты приводишь меня в бешенство. И не дай Бог я увижу, как ты тянешь свои лапы к моему кошельку! Думал, кругом одни простофили?

Бросив на него злобный взгляд, нищий поспешно отошел в сторону.

* * *

Бернадина, которая сначала охотно взялась обучать Сидони тонкостям домашней работы, в конце концов начала с раздражением повторять, что ее новая помощница просто спит на ходу. Впрочем, юная девушка не чуралась никакой работы, но ее лицо, лишённое всякого выражения, взгляд, который оставался пустым, даже когда к ней обращались, производили впечатление, что она не слушает или насмехается над собеседником.

По правде говоря, месяцем позже Ардуин Венель-младший и сам не знал, что и подумать. То ли девушка действительно была слабоумной, то ли скрывалась в своем мире, населенном отвратительными призраками прошлого.

В кухне он застал высокую непривлекательную девицу, стоящую перед длинным столом. С неподвижным лицом она ощупывала пакет, принесенный посланцем мессира де Тизана. Даже не повернув головы, девица объявила сквозь зубы:

– Это важно. То, что там внутри, для тебя очень важно.

Ардуин Венель-младший бросил быстрый взгляд на печать: она оставалась целой. Тем не менее он спросил:

– Ты просматривала письмо?

– Я не умею читать, и мне бы только худо было, открой я его, – бросила Сидони резко. – Но для тебя это важно... Ладно, мне надо ошипывать птиц на завтра.

Качая головой, она проворчала:

– Подошва или деревяшка, это блюдо на двоих или что-то в таком роде!

Затем девица исчезла, не сказав больше ни единого слова. Странное чувство охватило Венеля-младшего. Как если бы он нашел какой-то предмет на одном месте, прекрасно помня, что совсем недавно положил его совсем не туда.

Ардуин сломал печать и развернул джутовую ткань, которая стягивала пакет. Там были тоненькие тетради, переплетенные в черную кожу. Записи с процессов, где были судебные прения, признания – добровольные или полученные под пыткой, допросы, свидетельства. Все три тетради были посвящены делу «Эванжелины Какет, убийцы мадам Мюриетты Лафуа 16 мая 1300 г. от Рождества Христова». Форзацы также были исписаны неудобочитаемой, но аккуратной скорописью^[82].

Первая тетрадь начиналась с описания трупа Мюриетты Лафуа, ужасно искромсанного ударами топорика, и ее неузнаваемого лица, особо уточняя, что Эванжелина Какет, сирота,

которой дали приют, вся покрытая кровью, что-то напевая, сидела рядом со своей покойной хозяйкой. Девица Какет была описана как слабоумная с неприятным лицом, на котором ясно читается крайняя степень тупости. Ардуин Венель-младший порылся в памяти: какого цвета были у нее волосы, глаза? Странное дело, воспоминание о лице Сидони тоже все время ускользало от него.

Это для тебя важно. То, что там внутри, очень важно для тебя.

Сидони явно не была слабоумной, разве что очень медлительной и невнимательной. Почему она так зацепила его, привлекла его взгляд, когда он спускался с паперти церкви Мортаня? Почему он нашел время, чтобы поговорить с этой девушкой? Причем все это произошло гораздо раньше, чем Арно де Тизан оживил в нем воспоминания о казни Эванжелины Какет... Черт возьми! Он что, теперь будет повсюду видеть знаки судьбы? Или его жизнь теперь и в самом деле подчинена делу, вкуса которого он даже еще и не понял? Ардуин почти догадывался, что второе предположение окажется неправильным.

Далее шел подробный перечень вопросов, которые задавались девице Какет. Судья был потрясен, что на все вопросы следовал один-единственный ответ: «Уй-уй»^[83].

– Ваше имя?

– Ванжелиииина!

– В доме Лафуа с вами хорошо обращались?

– Уй-уй!

– Вам там было хорошо?

– Уй-уй!

– Вас там обижали?

– Уй-уй!

– Вы любили свою хозяйку?

– Уй-уй!

– Вы ненавидели свою хозяйку?

– Уй-уй!

Прибыл адвокат, который должен был защищать бедняжку и которому, без сомнения, хотелось оказаться в десяти лье отсюда. Он все время повторял раздраженным тоном:

– Со всем моим почтением, мессир судья, она не понимает ничего из того, что ей говорят. Она даже не поняла, что ее обвиняют в жестоком убийстве и что ей грозит смертная казнь.

Тем не менее судья распорядился о порке, чтобы «вытащить правду» из затуманенного разума девицы Эванжелины Какет.

Эта сцена возникла в памяти Ардуина с поразившей его самой четкостью. Длинный подвал со сводчатым потолком, в котором происходили допросы инквизиции и светского правосудия. Окна отсутствуют, чтобы никто не услышал крики тех, кого сюда тащат. Стол – достаточно длинный, чтобы сюда можно было уложить высокого мужчину; дерево все почернело от крови тех, кто подвергся здесь пыткам. Под столом в полу проделана канавка для стока крови, а нередко и экскрементов, когда боль становилась чересчур сильной, чтобы их удержать. Перед камином нечто вроде открытого очага, в котором складывали раскаленные угли. Со стен из темно-серого камня свисают ножные и ручные кандалы, ошейники, цепи и орудия пытки. В углу трехногая треугольная табуретка, на которой всегда сидит писарь со своими письменными принадлежностями. Его обязанность состоит в том, чтобы скрупулезно записывать вопросы и ответы и следить, чтобы время пытки

не превышало положенного получаса на вопрос.

Удары палки, которые обрушились на бледную жирную спину, были нанесены мэтром Правосудие Мортаня в должном количестве и с силой, точно определенной судебными уложениями. Для Ардуина Венеля-младшего речь шла не о скрупулезном учете их жестокости, а о неукоснительном уважении к закону и судебной процедуре. Он вдруг вспомнил: у нее были темно-русые волосы – тонкие и грязные. Как это положено по отношению к женщинам, она была обнажена только до бедер. На каждый вопрос, который ей задавал судья, она отвечала только «уй-уй», плача и крича при каждом новом ударе, издавая очередное «уй-уй». Наконец судья возмутился:

– Мессир Правосудие, нет смысла продолжать это дальше! Мы ничего от нее не добьемся. Мы имеем дело либо с отъявленной лгуньей, либо с настоящей идиоткой. Но так или иначе, мое терпение закончилось! Пусть ей обмоют раны и отведут в камеру, а послезавтра задушат ее землей. Я составлю об этом акт. И пускай священник придет к ней, чтобы ознакомить ее с судебным решением. Она должна понять наше великодушие, мы вовсе не какие-нибудь чудовища!

Ардуин Венель-младший согласно кивнул в ответ на его слова. Тот день очень быстро закончился.

* * *

Он перешел ко второй тетради, переживая, что никто этого не заметил. Почему топорик, покрытый кровавой коркой, был найден на огороде в зарослях шалфея, в доброй дюжине туазов от дома, в то время как Мюриетта Лафуа была забита насмерть на том самом месте, где ее обнаружили, – в кухне? Причем все свидетели в один голос утверждали, что вокруг нее не было никаких следов крови. Почему Эванжелина после того, как якобы нанесла своей хозяйке несколько ударов с ужасающей силой и яростью, сперва вышла из дома, чтобы избавиться от импровизированного оружия, а затем вернулась и села рядом с трупом? Она не смыла кровь, не убежала. Она осталась здесь, держа за руку покойницу.

Ардуин Венель-младший вздохнул. Если верить только что прочитанному, ничто не служило доказательством тому, что Эванжелина Какет убила Мюриетту Лафуа. Впрочем, доказательства обратного также отсутствовали. По примеру помощника бальи он сомневался, что толстая слабоумная девица, неспособная на какую-либо злость, могла совершить такое зверское убийство. Он совершенно четко вспомнил ее последнюю фразу, единственную, которую она произнесла за весь процесс, когда ее уже вывели из тюрьмы, как раз перед тем, как он, мэтр Правосудие Мортаня, связал ей за спиной руки, чтобы вести к яме, вырытой для того, чтобы она была там похоронена заживо.

– Почему вы попросили этот топорик? Зачем принесли его обратно в дом? Вы сказали, что он нужен вам, чтобы прикончить карпов.

[Купить полную версию книги](#)

Нежная душенька (*лат.*) (*Прим. пер.*).

В описываемую эпоху город назывался Мортень. Возможно, это название происходит от *Comitis Mauritaniae* (лат. «мавританские попутчики». – Прим. пер.) – место, где римской армией были остановлены войска мавров, хотя это предположение вызывает много споров. Зато свидетельства присутствия Меровингов можно заметить начиная с V в. Затем Мортань был крепостью, призванной сдерживать норманнское нашествие. Затем графы де Ротру, выдающиеся политики, лавировали между Нормандским герцогством и Французским королевством до заключения союза де Ротру III и Генриха I Боклерка (*Beauclerc* – «хорошо образованный». – Прим. пер.), королем Англии и герцогом Нормандии. В 1226 г., когда род де Ротру угас, Мортань и графство дю Перш снова соединились под короной Франции. (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, – прим. авт.)

Королевский чиновник, выполнявший административные и судебные функции; иначе говоря, судебный пристав. (*Прим. пер.*)

Графы Перша и Алансона были под контролем бальи шпаги (представитель военной судебной власти. – *Прим. пер.*), помощником которого являлся бальи (или лейтенант) мантии (судебный чиновник. – *Прим. пер.*). Такие населенные пункты, как Мортань, сами являлись судебными округами.

Крупное земельное владение или содержание, предоставлявшееся во Франции и других европейских феодальных монархиях некоронованным членам королевской семьи. (*Прим. пер.*)

Судебный поединок составлял обычную часть Божьего суда. Прочие физические испытания были придуманы, чтобы определить степень виновности или невиновности обвиняемого: раскаленное железо, погружение в ледяную воду и так далее. Тот, кто проходил эти испытания, оставшись невредимым, признавался невиновным. Подобные тяжелые испытания вышли из употребления в XI в. и были окончательно отменены IV Латеранским собором в 1215 г. Во всяком случае, последний судебный поединок имел место в 1386 г. в царствование Карла VI. Тем не менее «поединки чести» сохраняются вплоть до XX в.

Самый выдающийся представитель короля в графствах Перш и Алансон.

В Средние века насильник приговаривался к смерти, даже если жертвой преступления оказывалась проститутка. Но преступление должно было доказать!

Обед или ужин являлись первой трапезой за день. На самом деле ужином называется практически каждая трапеза, так как подают суп. Обед теперь стал нашим завтраком, а ужин – нашим обедом.

Игра слов *la soupe* – суп, *souper* – ужинать или, в буквальном смысле, кушать суп. Обвиняемый мог назвать ужином то, что на самом деле являлось обедом. (*Прим. пер.*)

Шпага, которую держали двумя руками, с тонким и широким лезвием, предназначенная специально для обезглавливания.

Епесатріх (лат.) – «умерщвляющий» (Прим. пер.).

Приговоренные к смерти, которые пользовались особыми привилегиями, вызывали палача, который бы их обезглавил, по своему выбору, даже из другого государства. Таким образом Анна Болейн обратилась к услугам французского палача.

Платье или длинная туника.

Длинная рубашка, которую носили прямо на теле под одеждой или ночью.

Это делалось для того, чтобы одежда загорелась как можно быстрее.

Палачи носили маску, закрывающую лицо. Эта предосторожность была связана с тем, что, принадлежа к презираемой касте, они не желали быть узнаваемыми. К тому же это делалось для того, чтобы избежать попыток подкупа со стороны близких приговоренного.

Существовал скрупулезный учет гонорара палачей. Им платили очень скромно. Еще одно доказательство презрительного отношения к этой профессии. См. Приложение.

Палачам было запрещено находиться в городе, за исключением площади, где установлен позорный столб.

Шарль Сосон в 1726 г. унаследовал от своего отца должность палача, когда ему было семь лет.

В ту эпоху хирургия была исключительно презираемым занятием, хирургические операции выполняли цирюльники, реже палачи, которым оказывалось больше доверия из-за их профессионального знания анатомии. Это может показаться удивительным, но в то время как медицина лишь делала первые шаги, хирургия совершила бесспорный прогресс. Хирурги успешно сращивали переломы, делали трепанации, вырезали опухоли и тому подобное.

Ситуация изменилась, когда медики начали интересоваться вскрытиями. После этого палачи стали тайком продавать трупы казненных.

Палачей довольно часто набирали из приговоренных к смерти убийц в обмен на помилование. На самом деле эта профессия вызывала столько же презрения, сколько и страха, и подвергалась всеобщему порицанию, поэтому находилось не так много желающих добровольно выполнять эту работу.

«Случайные» противопоставлялись династиям палачей, насчитывающим век и более.

Эту разновидность философии можно обнаружить даже у современных исполнителей правосудия.

Туаз – старинная мера длины, около двух метров (*Прим. пер.*).

Очень высокий лоб был одним из критериев женской красоты в Средние века. Дамы довольно часто выщипывали волосы над лбом, чтобы тот казался еще выше.

C 950 Г.

Будущий Людовик Святой (1214–1270).

После кончины Бланки Кастильской в 1252 г. жители Беллема воздвигли крест на месте, где ее величество велела разбить военный лагерь: крест Покойной Королевы (La crois Feue-Reine) был перенесен, когда его ветхость стала поистине угрожающей.

Палач имел право бесплатно брать продукты с прилавка тех торговцев, которые располагались по краю площади, где совершались казни, – «столько, сколько можно взять в руку».

Власть сеньора Беллема была объединена с королевским доменом в 1226 г. Она была также связана с уделом Перш, которого добился Генрих Валуа в 1303 г.

Отравила. Речь шла о преступлении крови, самом тяжелом в эту эпоху, поскольку оно совершалось тайно, не давая жертве возможности защищаться.

Он их всех любит и убивает с нежностью (*лат.*).

Эта нашивка, цвет и форма которой менялись в зависимости от региона, чаще всего делалась в виде полоски, символизирующей виселицу. Она позволяла сразу же узнать палача, что служило для него источником постоянных унижений.

Палачи ненавидели свое именование и очень долго бились за то, чтобы оно было запрещено и заменено термином «мастер Высокого Правосудия» или «исполнитель Высокого Правосудия». Были даже изданы законы, по которым употребивший слово «палач» наказывался штрафом.

Постными днями считались все среды, пятницы, дни в канун праздника, помимо собственно времени поста.

Он же «морской черт».

Во избежание отравления рыба должна быть продана в течение двух дней с момента, как она была выловлена, не считая времени перевозки.

Медицинские препараты на масляной основе.

В Средние века косметические препараты были очень популярны и широко употреблялись – например, микстура «для красивого голоса». Без сомнения, в этом надо видеть попытку бороться с признаками преждевременного старения, причиной которого были плохие условия жизни.

Болезни вроде оспы, оставляющие на коже шрамы, были далеко не редкими. Крупные родимые пятна в ту эпоху считались подозрительными – в них видели метку дьявола.

Палачи имели право носить оружие подобно дворянам.

Очень богатая и уважаемая корпорация. Она быстро превратилась в класс буржуазии.

Маленькое лезвие треугольного сечения, которым делали кровопускания и разрезы.

В ту эпоху самый распространенный антисептик.

«Белый кинжальщик» – олень годовалого возраста. Получил такое название из-за двух «кинжалов» (коротких рогов), которые примерно в два с половиной года отпадают, чтобы смениться настоящими ветвистыми рогами.

Тогда было в обычае называть трактирщика по его вывеске.

В ту эпоху треска была очень популярной рыбой из-за белого мяса.

Обычно готовились с плавленым сыром. Без сыра предлагались только в постные дни.

Лошади наравне с собаками считались благородными животными, поэтому получали имена.

Напомним, что штаны являются изобретением относительно недавним. А вот ленты льняного полотна, которым подвязывали грудь, были уже в употреблении.

Разновидность небольшого фонаря из дерева или металла. В них помещали масляные лампы или свечи, чтобы предохранить их от сквозняков.

Чаще всего это были перепелки, маринованные в вине или в бульоне. Их также могли приготовить со свиным салом или смесью пряностей (имбирь, корица, гвоздика) и тушить на медленном огне, добавив немного виноградного сока или кислого вина.

Плоский ломоть черствого хлеба, который мог служить тарелкой. Хлеб, пропитанный мясным соком, подавали нищим или собакам.

Десерт из молока, куда крошили хлеб, сдабривали медом и пряностями. Все это варили, добавив сушеных фруктов, пока блюдо не дойдет до состояния густого крема.

Стекло в ту эпоху было очень дорогим материалом, и вещи, которые были из него сделаны, считались предметами редкой роскоши.

В противоположность волку, который считался жадным и глупым, лис имел репутацию изящного и хитроумного создания.

В этом слове не было ничего уничижительного, в ту эпоху оно означало всего лишь обитателей поместья.

Крестьяне и слуги, не имеющие личной свободы, принадлежали своему сеньору, как рабы в древности. В Средние века такой статус был достаточно распространенным.

Они красили ткани для суконщиков и галантерейщиков. Синие ногти у них были от постоянной возни с краской. Эта профессия слыла одной из самых презираемых.

Паратуберкулез, главным признаком которого является непрерывный понос. Средств от него не существует даже в наши дни.

Напомним, что в Средние века сформировались первые представления о существовании инфекций. Доказательством этому служит появление карантинных и лепрозориев.

Речь идет о разновидности аренды, очень распространенной в XIV в. Арендатор отдавал собственнику половину семян, пользовался землей и получал половину урожая.

Эта особенно чудовищная пытка была в ходу до 1780 г. Пластинки располагали вокруг голеней или стоп и крепко связывали. Затем молотком между ними вбивали клинья.

Имелась в виду «мера великодушия». Судья давал знать исполнителю, что тот должен завершить казнь по прошествии какого-то времени пытки или незаметно задушить или заколоть обвиняемого перед тем, как зажечь костер.

Барон имел право на виселицу с четырьмя столбами, граф – с шестью. Виселица для короля могла иметь сколько угодно столбов.

Средние века были эпохой относительной чистоты в противоположность более ранним временам. Люди мылись, посещали парильни, общественные бани, нередко смешанные, процветавшие в городах.

Несмотря на показное целомудрие, Средние века не были особенно стыдливой эпохой. Нагота – к примеру, во время омовения – никого не шокировала.

Для этого еще использовалась вербена *Juniperus oxycedrus*. Считалось, что она также защищает от колдунов и дурного глаза, но чаще всего эта трава использовалась против насекомых и дурных запахов.

Чиновник, который разбивал брикеты соли после того, как служащие измерят их точный вес. Мог также выступать в качестве посредника.

Самоубийство считалось не добровольной жертвой, а проступком того, кто отверг Божественную благодать. На этом основании их отлучали от церкви, хоронили в неосвященной земле и накладывали арест на их имущество, оставляя семьи в нищете.

Здесь будет уместным вспомнить, что наши взгляды на детей, заботу и родительский долг сложились относительно недавно, несмотря на то что исключения существуют и в наши дни. В Средние века детоубийства были распространенным явлением. Детей подбрасывали, оставляли в лесу; бедные семьи, которые не могли прокормить детей, нередко их продавали. Остается добавить, что дети часто погибали в младенческом возрасте, едва половина родившихся доживала до пяти лет. В бедных и безземельных семьях появление нового ребенка часто становилось настоящей катастрофой. Другими словами, смерть ребенка воспринималась вовсе не так, как в наши дни.

Около 22–24 июня, когда праздновали летнее солнцестояние.

Следует отметить, что представление о времени тогда сильно отличалось от нашего. Все ориентировались по смене дней и времен года. То же самое было в гражданских делах. До реформ, проведенных Франциском I, зачастую не было никакого средства установить ни личность человека, ни дату его рождения.

Выражение «клянусь смертью Христовой» было признано богохульным. Поэтому часто заменялось похожим словосочетанием.

Они помогали женщинам во время беременности и родов и могли свидетельствовать на судебных процессах – например, устанавливая девственность или беременность.

Жан II Бретонский получает в 1295 г. пост главного полководца Аквитании из рук английского короля, хотя до тех пор всегда был союзником Филиппа Красивого. Филипп послал своего брата Карла Валуа завоевать Аквитанию. Жан II потерпел поражение, и Карл, воодушевленный своей победой, начал угрожать бретонскому герцогству.

Изабелла де Валуа (1292–1309) – дочь Карла Валуа и Маргариты Анжуйской. Ее выдали замуж в возрасте пяти лет за внука Жана II Бретонского, чтобы скрепить мир после завоевания Аквитании.

Не более чем почетный титул, начиная с того момента, как Михаил VIII Палеолог в 1261 г. захватил Константинополь, чтобы восстановить Византийскую империю.

Нищенство было очень распространено в Средневековье. Также нередки были попрошайки, которые калечили себя или детей, чтобы вызвать жалость и великодушие у прохожих. Одна из «техник» состояла в том, чтобы мазаться соком растений, вызывающих дерматоз, – таких, как ангелика (дягиль).

Daphne gnidium. Прикосновение к коре этого растения вызывает покраснение и гнойники. Плоды его еще более ядовиты.

Такая разновидность записей использовалась для актов и ведомостей на местном наречии. В теологических, научных и коммерческих записях использовали другое, более квадратное начертание. Такие тексты было гораздо удобнее разобрать.

Созвучно «да» (ouí). (*Прим. пер.*)